У
Л 93
Любавский
Московский
университет
№ 1913

У
Л 93

М. К. Любавскій.

Московскій Университетъ въ 1812 году.

2829
13

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА—1913.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предмд. выдач.....

У
Л93

378/471

М. К. Любавскій.

Московскій Университетъ въ 1812 году.

2829
13

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
№ 6181

МОСКВА—1913.

Типографія В. И. Воронова. Моховая, д. кн. Гагарина.

Въ 1812 году Московскій университетъ постигло великое разореніе... Чтобы уяснить его размѣры и послѣдствія, надобно прежде всего установить, что такое представлялъ изъ себя Московскій университетъ къ 1812 году, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, какими онъ располагалъ научно-образовательными средствами и какъ вообще выполнялъ свое назначеніе.

Къ 1812 году Московскій университетъ уже сосредоточился въ той самой мѣстности, которая занята нынѣ такъ называемымъ „Старымъ университетомъ“. Не сразу досталась университету эта мѣстность: онъ собиралъ ее по частямъ и даже по мелкимъ кусочкамъ около пятидесяти лѣтъ. Открытъ былъ Московскій университетъ первоначально въ старомъ казенномъ зданіи Главной Аптеки, раньше Аптекарскаго Приказа, находившемся на Красной площади направо отъ Воскресенскихъ, или Курятныхъ воротъ (нынѣ на его мѣстѣ сталъ Историческій Музей [1]). Указомъ Сената въ 1754 году предписано было

---

1) „Планъ Императорскаго столичнаго города Москвы, сочиненный подъ смотреніемъ архитектора Ивана Мичурина въ 1739 году“ и описаніе къ нему въ первомъ томѣ изд. А. Мартынова „Москва. Подробное историческое, географическое и археологическое описаніе города“. Москва, 1865, стр. 201. Въ „Описаніи моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ изд. въ 1775 г., на стр. 252 читаемъ: „Китай градъ весь, а въ немъ улицы отъ Воскресенскихъ или Курятныхъ воротъ по лѣвую сторону, гдѣ Денежной дворъ, а по правую Университетская типографія и книжная лавка, что въ старину Аптекарскій приказъ или истерія была; между Кремлемъ, Соборною Казанскія Богородицы церквою, и между рядами купецкими, до Лобнаго мѣста, что противъ Спасскихъ воротъ, называется Красная площадь“. Эти свѣдѣнія повторяются и въ „Описаніи Императорскаго Столичнаго города Москвы“, составленномъ и изданномъ въ 1782 году Рубаномъ, стр. 56. Виды зданія у Воскресенскихъ воротъ, въ коемъ помѣщался первоначально Университетъ, см. на стр. 58-ой и фототипическія таблицы I и II. Объясненія къ рисункамъ см. въ концѣ рѣчи.

архитектору князю Ухтомскому привести это зданіе въ исправность и, разобравъ покой бывшей здѣсь „австеріи“, т.-е. попросту трактира, устроить на ихъ мѣсто съ приличнымъ украшеніемъ университетскую залу. Въ этой-то залѣ и состоялось торжественное открытіе Московскаго университета 26 апрѣля 1755 года, на другой день послѣ праздника коронаціи Елизаветы. Великолѣпная иллюминація, зажженная вечеромъ этого дня, украшала именно это зданіе до самаго верха съ его башнею [2]). Но это первоначальное помѣщеніе скоро оказалось тѣснымъ, и уже въ 1757 году университетъ перекинулся на Моховую. Здѣсь для него прежде всего купленъ былъ дворъ князя Петра Ивановича Рѣпнина на углу Моховой и Никитской съ каменнымъ домомъ

Видъ воскресенскихъ Тріумфальныхъ воротъ отъ Куретнова моста. *Vue de l'Arc Triomphal de Voskresenski du côte du pont de Kuretny.*

и деревянными строеніями, занимавшій почти все пространство, находящееся теперь подъ главнымъ корпусомъ Стараго университета и его переднимъ дворомъ [3]). Это было старинное владѣніе Рѣпниныхъ, числившееся за ними и въ XVII вѣкѣ [4]). Дворъ находился въ приходѣ церкви св. Діонисія Ареопагита, которая стояла позади его, почти на углу Никитской и Леонтьевскаго переулка; этотъ переулокъ

---

[2]) Шевыревъ, Исторія Императорскаго Московскаго университета, стр. 17—19.

[3]) П. И. Страховъ, Краткая исторія академической гимназіи, бывшей при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, стр. 44, 45, Москва, 1854; Шевыревъ, Исторія Императорскаго Московскаго университета, стр. 27.

[4]) Древне-русская картографія, вып. 1, Планы г. Москвы XVII в., стр. 44, Москва, 1898.

Фот. П. П. Павлова.

Зданіе у Воскресенскихъ воротъ, въ коемъ помѣщался Университетъ въ первые годы.

(Видъ съ Красной площади. Рисунокъ 1781 г.)

Фот П. П. Павлова.

Зданіе у Воскресенскихъ воротъ, въ коемъ помѣщался Университетъ въ первые годы.

(Видъ со стороны Воскресенской площади. Рисунокъ 1821 г.).

План Университетскаго владѣнія, составленный архитекторомъ Казаковымъ съ нанесенными (архитекторомъ А. А. Никифоровымъ) теперешними постройками.

Изъ „Плана Москвы“, Высочайше утвержденнаго 7 іюля 1775 года.

А—городъ Кремль.—Р—противъ Кремля и Китая подъ удобности местъ прежектируются площади. — Q—кварталы и корпусы подъ строеніе публичныхъ и обывательскихъ домовъ по фасадамъ, какія по сочиненіи всевысочайшей конфирмаціи удостоятся. — S — кварталы и корпусы подъ строеніе харчевенъ, торговыхъ и харчевыхъ лавокъ и подъ другія публичныя строеніи.

Въ Бѣломъ городѣ противъ рѣки Неглинной.

А, Б, В, Г — (владѣнія разныхъ лицъ). — Д — Питейной домъ.—Е—постоялой дворъ купца Аленева.—Ж—подпорутчика Ив. Веттера. — З —точильныя лавки купца Батыгина. Дворъ г. Грекова, Московск. купца Ѳедора Иванова. — И—Московск. купца Силина —І—Мясной рядъ. — К— подворье Азовскаго Донецкаго монастыря. —Л— Питейной домъ.—М — лавки, гдѣ торгуютъ платьемъ и харчевни купца Матвѣя Евреинова. — Н —Такія жъ лавки купца Силина. — О — харчевыя лавки купца Второва.—П — дворъ умершаго дьякона Филипа Иванова, дьячка Козьмы Яковлева, купца Василья Бѣляева. — Р—дворовыя пустыя мѣста.—С—бывшей Моисеевской монастырь. —Т— Архангельскаго собора протодьякона Василья Гаврилова.— У—строеніе вѣдомства Монетной экспедиціи.— Ф—князей Василія и Александра Долгоруковыхъ.—Х—Охотной рядъ.

Реестръ состоящимъ нынѣ знатнымъ, на семъ планѣ показаннымъ, строеніямъ.

Въ Китаѣ:

5— Университетъ. — Ворота: 18—Никольскія.- 20—Троицкія.

Въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ:

12—Георгіевской монастырь.—13—Университетъ.—14—Главная оптова.—15—Никитской монастырь.—16—Воздвиженской монастырь.— Улицы: І—Дмитровка. — К — Тверская. — Л. — Никитская.—Н.—Воздвиженка.

пересѣкалъ тогда нынѣшній дворъ Стараго университета параллельно Долгоруковскому переулку и соединялъ нынѣшній Шереметевскій и Георгіевскій переулки. Два придѣла въ этой церкви принадлежали князю Петру Ивановичу Рѣпнину, который отказалъ ихъ университету со всею утварью. Церковь такимъ образомъ на половину стала университетскою [5]). Къ дому Рѣпнина въ 1773 году университетъ прикупилъ еще сосѣднее дворовое мѣсто, находившееся между Рѣпнинскимъ дворомъ и землею церкви св. Георгія и принадлежавшее коллежскому асессору Григорію Дороѳѣевичу Ивашкину [6]). Въ 1782 году университетъ еще дальше расширилъ свои владѣнія—купилъ у княгини Анны Михайловны Волконской за 8000 рублей ассигнаціями дворъ съ каменными и деревянными постройками въ приходѣ церкви Діонисія Ареопагита на Никитской улицѣ между своимъ дворомъ и Леонтьевскимъ переулкомъ и въ сосѣдствѣ съ малыми дворами, стоявшими на церковной землѣ св. Леонтія Ростовскаго (церковь эта стояла дальше по Леонтьевскому переулку, въ глубинѣ нынѣшняго университетскаго двора [7]). Три года спустя университетъ получилъ въ даръ огромный дворъ генералъ-поручика кн. Александра Ивановича Барятинскаго съ каменными и деревянными постройками, съ оранжереями и садомъ, лежавшій позади церкви св. Георгія на Красной Горкѣ и доходившій до вышеупомянутаго Леонтьевскаго переулка [8]).

---

[5]) Розановъ Н. О Татьянинской церкви Императорскаго Московскаго университета, стр. 35 въ Чтеніяхъ Импер. Москов. Общ. Истор. и Древ. Росс. 1869, кн. I. Сообщеніе Шевырева, что домъ князя Рѣпнина присоединенъ былъ къ дому Главной Аптеки, находившемуся на Моховой и также будто бы пожалованному университету, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Домъ Главной Аптеки, бывшій Ѳедора Матвѣевича Апраксина, позднѣе Пашковыхъ, находился на противоположномъ углу Моховой, на мѣстѣ нынѣшняго Новаго университета. См. Планъ Москвы Мичурина 1739 и описаніе къ нему у Мартынова, стр. 204. Въ „Описаніи моровой язвы 1770—1772 г." читаемъ: „Отъ Воскресенскихъ воротъ по Тверской на лѣво у бывшаго Моисеевскаго дѣвичья монастыря, гдѣ и Моисеевскіе богадѣльни, въ право мимо Университетъ и Главную Аптеку, а въ лѣво по рѣчку Неглинную до Знаменки улицы: улица и площадь Моховая; идучи отъ Тверской по Моховой первая на право улица между Главною Аптекою и Университетомъ до Никитскихъ воротъ мимо Никитскаго дѣвичьяго монастыря: Никитская (стр. 255). И. Тимковскій, Памятникъ Ивану Ивановичу Шувалову въ Москвитянинѣ 1851, № 9, 10, стр. 6. Планъ мѣстности, гдѣ возникъ Старый Университетъ, см. выше на стр. 6—7.

[6]) Лѣтопись церкви св. Георгія, стр. 125, въ Чтеніяхъ Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1897, кн. 4.

[7]) Купчая на этотъ домъ хранится въ дѣлахъ университета. Въ ней между прочимъ читаемъ: „А въ межахъ тотъ дворъ идучи въ него по правую сторону дворъ упоминаемаго Императорскаго Московскаго Университета, по левую сторону переулокъ проезжей, а позади малыя дворы, состоящія на церковной землѣ церкви св. Леонтія Ростовскаго".

[8]) Шевыревъ (op. cit., 109 стр.) сообщаетъ, что подарила дворъ Императрица Екатерина. Въ университетѣ же держалось преданіе, что дворъ князя Барятинскаго былъ подаренъ владѣльцемъ. См. дѣло университ. правленія

Съ присоединеніемъ всѣхъ этихъ дворовъ къ университету напространствѣ между Моховой и Леонтьевскимъ переулкомъ среди университетскихъ владѣній оказались земли церквей Діонисія Ареопагита, Леонтія Ростовскаго и Георгія на Красной Горкѣ. Университетъ постарался присоединить и эти земли. Тогдашній директоръ П. И. Фонъ-Визинъ вошелъ въ переговоры съ духовнымъ вѣдомствомъ: указывая на обветшалость церкви Діонисія, на незначительность ея прихода, на нужду университета въ землѣ (тогда началъ уже строиться главный корпусъ). Фонъ-Визинъ просилъ отдать университету эту церковь, вмѣсто которой университетъ соорудитъ новую, великолѣпнѣе старой, „такъ что бы оная, яко первый предметъ, при огромномъ зданіи служила лучшимъ украшеніемъ“ (какъ увидимъ ниже, обѣщаніе это было выполнено). Переговоры увѣнчались успѣхомъ: духовное вѣдомство разрѣшило университету разобрать Діонисіевскую церковь, утварь и матеріалъ употребить на устроеніе новой церкви, а находящуюся подъ тою церковью, погостомъ и священно-церковно-служительскими домами землю отдать подъ строеніе университета. 1 февраля 1791 года церковь поступила въ распоряженіе университета. Въ слѣдующемъ 1792 году упразднена была за обветшалостью и ничтожностью прихода (1 дворъ) церковь св. Леонтія Ростовскаго. На землѣ ея находилось цѣлое гнѣздо маленькихъ дворишекъ церковниковъ, которые представляли опасность для университета въ пожарномъ отношеніи и сверхъ того „дѣлали ему безобразіе“. Поэтому директоръ университета ходатайствовалъ о разрѣшеніи сломать Леонтьевскую церковь, а мѣсто ея навсегда присоединить къ университетскому дому. Ходатайство это было уважено митрополитомъ Платономъ. Съ церковью св. Георгія университетъ въ 1794 году обмѣнялся владѣніями: церковную землю, вошедшую внутрь университетскаго двора, взялъ себѣ, предоставивъ дьячку и пономарю снести отсюда свои дома, а на жительство причту уступилъ каменную кухню изъ владѣній князя Барятинскаго, давъ еще въ придачу 500 рублей [9]).

Такъ занято было все пространство нынѣшняго университетскаго двора между Моховою и Леонтьевскимъ переулкомъ. Къ 1804 году относится пріобрѣтеніе той его части, которая лежала между Леонтьевскимъ и Долгоруковскимъ переулками. Второго ноября этого года былъ купленъ за 30 тысячъ рублей асс. у Натальи Абрамовны Пушкиной, урожденной княжны Волконской, каменный домъ съ мебелью и деревяннымъ строеніемъ, стоявшій въ Долгоруковскомъ переулкѣ между домами Марьи Алексѣевны Мосоловой и графа Му-

---

1817 года, № 13, л. 11. См. планъ университетскаго владѣнія, составленный архит. Казаковымъ на стр. 5, а объясненія къ нему въ концѣ рѣчи.

[9]) Н. Розановъ, О Татьянинской церкви Московскаго университета, стр. 39—40.

сина Пушкина [10]); пять дней спустя купленъ былъ за 70 тысячъ рублей и домъ Мосоловой съ мебелью, каменнымъ и деревяннымъ строеньемъ, стоявшій на Никитской улицѣ между Долгоруковскимъ и Леонтьевскимъ переулками [11]).—Университетъ продвинулъ и далѣе свои владѣнія по Долгоруковскому переулку. По крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ, что въ 1812 году онъ владѣлъ домами, купленными у Мясоѣдова [12]).

Итакъ, семь барскихъ усадебъ, два церковныхъ погоста съ дворами церковниковъ и одинъ переулокъ занялъ нашъ Старый университетъ подъ свой дворъ и свои зданія. Кромѣ того, за это же время онъ пріобрѣлъ еще нѣкоторыя владѣнія на сторонѣ. Въ 1788 году императрица Екатерина II подарила университету большой домъ съ садомъ, купленный было у князей Трубецкихъ въ 1770 году для Межевой канцеляріи [13]). Это владѣніе занимало по Тверской всю линію между Долгоруковскимъ и Вражскимъ (нынѣ Газетнымъ) переулками [14]). Въ 1801 году университетъ уже самъ прикупилъ къ этому дому сосѣдній дворъ купца Ивана Михайловича Сажина [15]). Въ 1805 году университету Высочайше было разрѣшено купить за 11 тысячъ

---

[10]) Въ сохранившейся купчей читаемъ: „А въ межахъ оный мой домъ состоитъ со входу въ него Долгоруковскій переулокъ, по правую сторону домъ госпожи Мосоловой, по левую сторону домъ графа Мусина-Пушкина, позади Леонтьевскій переулокъ“.

[11]) Купчая на этотъ домъ гласитъ: „А въ межахъ тотъ мой дворъ состоитъ идучи въ него съ Никитской улицы по правую и левую сторонамъ проѣзжіе переулки, а позади домъ княженъ Катерины и Марьи Абрамовыхъ дочерей Волконскихъ, а нынѣ Натальи Абрамовны Пушкиной“.

[12]) В. О. Эйнгорнъ. Московскій университетъ, губернская гимназія и другія учебныя заведенія Москвы въ 1812 году, вып. II, стр. 45. Москва 1912 г.

[13]) Въ дѣлахъ университета хранится записка съ собственноручною подписью Екатерины на имя военнаго губернатора Еропкина нижеслѣдующаго содержанія: „Петръ Дмитріевичъ. Состоящій въ Москвѣ на Тверской улицѣ казенный домъ, въ коемъ прежде помѣщалась Межевая канцелярія, повелѣваемъ отдать Московскому университету для употребленія по его надобности. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина“.

[14]) Купчая князей Трубецкихъ гласитъ между прочимъ: „А въ межахъ тотъ нашъ домъ по обе стороны проезжихъ съ Тверской на Никитскую улицу переулковъ, а мерою подъ тѣмъ домомъ и садомъ земли по болшой Тверъской улице сорокъ семь саженъ и две трети, по порядку съ правой стороны шестьдесятъ одна сажень съ половиною, з того переулка вправо подле саду брегадира Андрея Лукьянова сына Толмачева двадцать одна сажень две трети, да подле двора и саду Московскаго первой гильдіи купца Ивана Михайловича сына Сажина тридцать одна сажень; по левую сторону по переулку съ Тверской на Никитскую улицу сорокъ четыре сажени две трети“.

[15]) Купчая на это владѣніе гласитъ: „А въ межахъ оный дворъ, идучи въ него по правую сторону домъ Императорскаго Московскаго университета, въ которомъ помещенъ Благородный его пансіонъ, по левую сторону дворъ князя Юрія Володимировича Долгорукова и секундъ-майора Ивана Васильева Хотяинцева, спереди и сзади проезжіе переулки“. Планъ 1775 г. мѣстности, окружавшей университетъ, см. на стр. 6—7).

рублей у Медико-Хирургической академіи садъ въ восемь десятинъ на Большой Мѣщанской улицѣ за Сухаревою башней. Этотъ садъ, называвшійся Аптекарскимъ, и превращенъ былъ въ Ботаническій [16]). Въ 1811 году пріобрѣтена была у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Михайловича Власова за 40 тысячъ рублей ассигнаціями часть нынѣшняго владѣнія на углу Б. Дмитровки и Страстного бульвара съ каменнымъ двухъэтажнымъ домомъ и другими каменными и деревянными строеніями [17]).

По мѣрѣ того, какъ расширялись университетскія владѣнія на Моховой, переливала туда изъ дома у Воскресенскихъ воротъ и вся жизнь университета. Первоначально въ домѣ у Воскресенскихъ воротъ помѣщались библіотека, минералогическій кабинетъ, химическая лабораторія, собраніе физическихъ инструментовъ, типографія, словолитня и книжная лавка, читались лекціи, происходили засѣданія университетской конференціи, Вольнаго Россійскаго собранія, жили гимназисты и часть студентовъ [18]). Но постепенно все это было выведено отсюда на Моховую и Тверскую. Въ 1775 году здѣсь жили еще казеннокоштные ученики, читались лекціи физики, находились типографія и книжная лавка [19]); въ 1782 году тутъ оставались только типографія и книжная лавка [20]); въ 1787 году здѣсь уже совсѣмъ не было университетскихъ учрежденій, и домъ назывался уже бывшимъ университетскимъ: въ немъ, какъ и въ его визави, размѣщены были разныя присутственныя мѣста, между прочимъ, магистратъ, градская дума и аукціонъ [21]).—На Моховой и Тверской университетъ сначала

---

[16]) Шевыревъ, op. cit., стр. 366. Еще въ 1780 году оберъ-шталмейстеръ генералъ-аншефъ и дѣйствительный камергеръ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ подарилъ университету свой домъ съ садомъ за Красными Воротами на Ольховцѣ для заведенія тамъ Ботаническаго сада. Но университетъ, вѣроятно, по причинѣ отдаленности владѣнія не воспользовался имъ для указанной цѣли и сдавалъ его въ аренду. Ботаническій же садъ помѣстился въ саду кн. Барятинскаго послѣ полученія его университетомъ.

[17]) Купчая на этотъ домъ гласитъ: „А въ межахъ оный домъ мой состоитъ: со входу въ него валъ Бѣлаго города, по правую сторону улица Большая Дмитровка, по лѣвую сторону домъ титулярнаго совѣтника Алексѣя Николаевича Мордвинова и садъ коммерціи совѣтника Михаила Павловича Зубина, сзади домъ ротмистрши Анны Яковлевны Талызиной". Этотъ послѣдній домъ также пріобрѣтенъ былъ „въ казну типографіи Императорскаго Московскаго Университета" въ 1818 году за 37 тысячъ рублей съ четырьмя строеніями: 1) на каменномъ фундаментѣ оштукатуреннымъ деревяннымъ корпусомъ длиною 30 саж., шириною 13½ саж. съ двумя выступами на дворъ; 2) каменнымъ флигелемъ длиною 15 саж., шириною 11½ арш.; 3) каменными сараями длиною 11 саж., шириною 4 саж.; 4) деревянными погребами длиною 14½ арш., шириною 12 арш.

[18]) Шевыревъ, op. cit., стрр. 83, 91, 166, 190, 196, 201.

[19]) Тамъ же, стр. 190, 196, 214. Срав. „Описаніе моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ въ 1770 по 1772 годъ", стр. 252.

[20]) Описаніе столичнаго города Москвы Рубана, стр. 11.

[21]) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами, стр. 23. Москва, 1787. Срав. Путеводитель къ древностямъ

располагался въ разбродъ, какъ было можно, по разнымъ зданіямъ, которыя доставались ему отъ прежнихъ владѣльцевъ, или которыя онъ самъ пристраивалъ. Между прочимъ построены были два флигеля, составившіе позже два крыла главнаго корпуса [22]). Но рано или поздно должна была почувствоваться нужда въ обширномъ зданіи, въ которомъ учебно-воспитательная жизнь университета могла бы до извѣстной степени объединиться и сосредоточиться. Директоръ Фонъ-Визинъ началъ хлопотать о возведеніи „главнаго корпуса“ въ университетѣ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и въ 1786 году было отпущено 125 тысячъ рублей на построеніе главнаго корпуса, точнѣе —средней его части. 23 августа 1786 года этотъ корпусъ былъ заложенъ, а осенью 1793 года былъ оконченъ. Строилъ его архитекторъ надворный совѣтникъ Матвѣй Казаковъ [23]).

Ильѣ Ѳедоровичу Тимковскому, одному изъ питомцевъ университета девяностыхъ годовъ XVIII вѣка, мы обязаны описаніемъ внѣшняго вида и внутренняго распредѣленія помѣщеній главнаго корпуса немедленно послѣ его постройки.

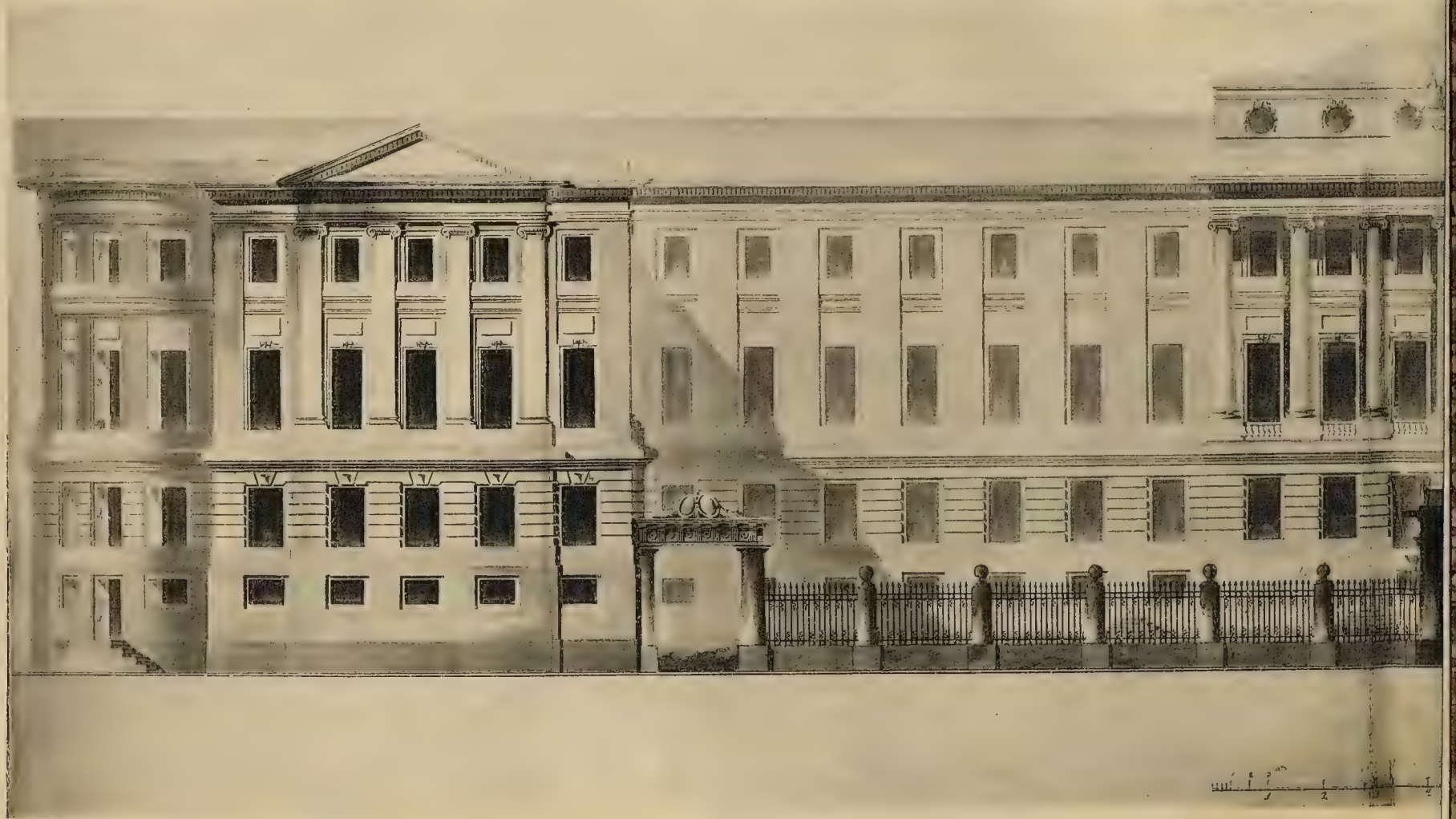
Университетъ, согласно этому описанію, занималъ выстроенный для него домъ въ четыре этажа, съ переднимъ дворомъ и боковыми выступами на улицу Моховую, правымъ бокомъ на Никитскую. Передній дворъ содержался чистымъ и былъ съ карауломъ у воротъ. Нижній этажъ дома занимали службы, погреба, кладовыя, кухни, особенно кухня и запасы для казенныхъ учениковъ. Ходы въ прочіе три этажа были „съ лица“, т.-е. главнаго фасада, средній, парадный съ колоннами, и два у воротъ въ боковыхъ выступахъ; съ задней стороны тотъ же средній промежный, и два малыхъ по угламъ у заломовъ, во второй этажъ, въ жилыя комнаты учениковъ и студентовъ. Средній входъ изъ большихъ сѣней велъ по заднимъ лѣстницамъ въ третій и четвертый этажи. Въ третьемъ этажѣ въ срединѣ надъ передними сѣнями находилась круглая зала торжественныхъ засѣданій, съ хорами на четвертомъ этажѣ (это, слѣдовательно, предшественница настоящаго актоваго зала). Изъ залы по лицевой сторонѣ направо, къ западу, находилась библіотека, налѣво кабинетъ естественной исторіи и за нимъ порожняя запасная зала. Въ параллель съ этими помѣщеніями съ задней стороны въ третьемъ этажѣ, окнами на задній дворъ, къ западу были три залы для математики и физики и физическаго кабинета, а къ востоку залы для искусствъ:

и достопамятностямъ Московскимъ 1792 г., ч. 11, стр. 159; Экспликація къ плану стольнаго города Москвы, составлен. Е. Челіевымъ, стр. 9. Москва, 1812.

[22]) Шевыревъ, op. cit., стр. 27, 109. Указатель Императорскаго Московскаго университета, стр. V, VI. Москва, 1826 г. Москвитянинъ, 1853, № 23. Замѣтки о старомъ Московскомъ университетѣ П. С. Полуденскаго; Дѣла правленія университета 1817 года, № 13.

[23]) Шевыревъ, op. cit., стр. 109—112. Фасадъ зданія см. на фототипич. таблицѣ № III, а планы всѣхъ 4-хъ этажей съ „описаніями“ къ нимъ на стр. 13—16.

Фасадъ главнаго корпуса.



Зданіе Университета, построе

ского университетского дома.

1/50 Сажень.

Фот. П. Павлова

тектором Ъ М. Казаковым Ъ.

Описаніе плана нижняго этажа Университетскаго дома.

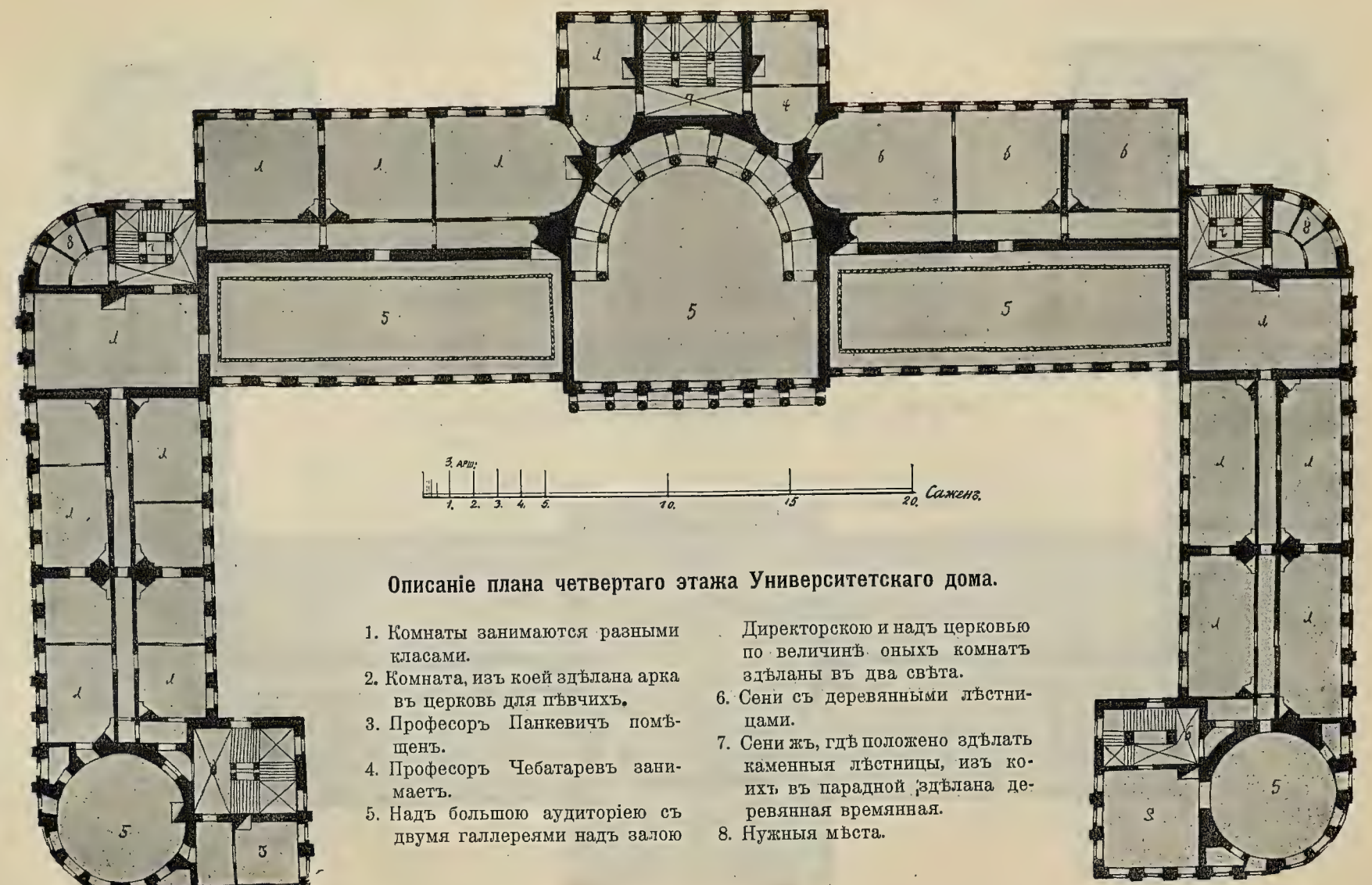
1. Кухня для пансіонеровъ и для поклажи.
2. Нагревальныя печи для ауди-торіи.
3. Помѣщаются сторожа.
4. Директорскіе служители.
5. Преждѣ былъ Анатомическій очагъ.
6. Порожнія.
7. Сени.
8. Караульня.
9. Кладовая матеріаловъ.
10. Директорская кухня и для поклажи запасовъ.
11. Нужныя мѣста.
12. Лѣстницы.

Описаніе плана втораго этажа Университетскаго дома.

1. Сени.
2. Парадная лѣстница.
3. Концелярія съ кладовыми для денежной казны и для караулу.
4. Суббибліотекарь помѣщенъ.
5. Столовая для казенныхъ учениковъ.
6. Къ ней принадлѣжащая для должностей.
7. Для житья казеннымъ ученикамъ.
8. Іеромонахъ помѣщается.
9. Инспекторъ занимаетъ.
10. Сени.
11. Лѣстница.
12. Нужныя мѣста.

Описаніе плана третьяго этажа Университетскаго дома.

1. Порадныя сени.
2. Прихожая.
3. Для физическихъ лѣкцій и инструмѣнтовъ.
4. Большая аудиторія.
5. Двѣ голлереи для библіотеки и минеральнаго кабинета.
6. Класы.
7. Церковь съ трапезою.
8. Для житья господину Директору.
9. Малая аудиторія, гдѣ конференція бываетъ.
10. Сени.
11. Лѣстница.
12. Нужныя мѣста.



Описаніе плана четвертаго этажа Университетскаго дома.

1. Комнаты занимаются разными класами.
2. Комната, изъ коей здѣлана арка въ церковь для пѣвчихъ.
3. Професоръ Панкевичъ помѣщенъ.
4. Професоръ Чебатаревъ занимаетъ.
5. Надъ большою аудиторіею съ двумя галлереями надъ залою Директорскою и надъ церковью по величинѣ оныхъ комнатъ здѣланы въ два свѣта.
6. Сени съ деревянными лѣстницами.
7. Сени жъ, гдѣ положено здѣлать каменныя лѣстницы, изъ коихъ въ парадной здѣлана деревянная времянная.
8. Нужныя мѣста.

рисованья, музыки, танцевъ и фехтованья. Подъ этими аудиторіями во второмъ этажѣ, входомъ изъ большихъ заднихъ сѣней, были столовыя и камеры для казенныхъ учениковъ; въ четвертомъ этажѣ надъ этими аудиторіями находились гимназическіе классы. Таково было распредѣленіе помѣщеній въ главной продольной части зданія.

Боковой входъ снизу праваго выступа, что на Никитской, велъ во второмъ этажѣ прежде всего въ комнаты начальника университета—директора. Комнаты эти были угловыя, выходившія окнами на Моховую, отъ нихъ направо по коридору находилась университетская канцелярія съ архивомъ. Весь третій этажъ праваго выступа занимала директорская квартира. Въ четвертомъ этажѣ три угловыя комнаты на Моховую и Никитскую занималъ одинъ изъ профессоровъ, а въ прочихъ помѣщались казеннокоштные ученики гимназіи изъ разночинцевъ, входившіе въ нихъ по задней угловой лѣстницѣ.

Боковой входъ снизу лѣваго крыла, что къ сторонѣ Тверской, велъ во второмъ этажѣ въ три угловыя комнаты, которыя занималъ инспекторъ гимназическихъ классовъ. Отъ нихъ налѣво по коридору двѣ большихъ комнаты съ разгородками, окнами на передній дворъ, занималъ іеромонахъ, настоятель университетской церкви, а визави, окнами на задній дворъ, находилось помѣщеніе іеродіакона университетской церкви. Въ третьемъ этажѣ двѣ угловыя комнаты, съ пробитою изъ одной въ другую аркою, занимала церковь св. великомученицы Татьяны, освященная 5 апрѣля 1791. Самая церковь занимала вверхъ и четвертый этажъ, была съ двойнымъ свѣтомъ; а надъ переднимъ ея притворомъ комната четвертаго этажа составляла церковные хоры. За церковью дальше по коридору находились аудиторіи: первая—философскаго факультета, вторая—юридическаго, окнами на передній дворъ; визави къ нимъ, окнами на задній дворъ, первая зала—для случайныхъ ожиданій, и она же въ видѣ притвора церковнаго, вторая—медицинскаго факультета съ его шкапами. Юридическая аудиторія, расписанная и съ царскимъ портретомъ, имѣла и другія назначенія: въ ней собиралась конференція университета, производились публичные диспуты на ученыя степени, для чего въ ней стояла тройная каѳедра, и происходили разныя другія собранія. За этими залами находились одна или двѣ запасныхъ, черезъ которыя можно было проникнуть въ кабинетъ естественной исторіи и въ большую залу. Четвертый этажъ выступа занятъ былъ классами и камерами дворянской гимназіи. Во всѣхъ лекціонныхъ и гимназическихъ залахъ стояли длинные столы съ подвижными скамьями по обѣ стороны, на которыхъ сидѣли студенты и гимназисты; впереди стола ставились кресла для профессоровъ и стулья для учителей. Исключеніе представляла физическая зала, которая устроена была тройнымъ амфитеатромъ съ пульпетами [24]). Описаніе Тимковскаго относится къ девяностымъ годамъ XVIII ст. Къ 1812 году въ распредѣленіи помѣщеній главнаго кор-

[24]) Москвитянинъ № 9—10, стр. 6—8, 33,

пуса должны были произойти кое-какія перемѣны въ связи съ сокращеніемъ числа гимназистовъ. Увеличились несомнѣнно помѣщенія музея натуральной исторіи, библіотеки и число профессорскихъ квартиръ.

Изъ вышеописанныхъ помѣщеній поражала своею красотою университетская церковь, построенная и расписанная художникомъ Антономъ Ивановичемъ Клауди. Университетъ свято выполнилъ обѣщаніе, данное митрополиту Платону, замѣнить ветхую церковь св Діонисія новою и великолѣпнѣйшею. Алтарь ея имѣлъ видъ круглаго древняго храма, у котораго куполъ держался на восьми бороздчатыхъ колоннахъ коринѳскаго ордена, что придавало цѣлому сооруженію изящную тонкость и легкость; базы и капители колоннъ, а также легкія и тонкія украшенія карниза и купола были вызолочены. На вершинѣ купола лежалъ круглый, карнизчатый невысокій пьедесталъ, на которомъ стояло лѣпное алебастровое и вызолоченное изображеніе возставшаго изъ гроба Христа Спасителя съ поднятою вверхъ благословляющею десницею и съ хоругвью въ лѣвой рукѣ; Спаситель представленъ былъ почти нагъ и нѣсколько прикрывался плащаницею, перекинутою черезъ правое плечо и назадъ, какъ бы развѣвавшеюся по воздуху. Это изображеніе, бывшее соединеніемъ жизни и красоты, изваяно было художникомъ Иваномъ Ивановичемъ Герке по рисунку Клауди. Алтарь спереди заграждался простымъ и вмѣстѣ изящнымъ иконостасомъ, который весь былъ писанъ рукою самого Клауди: написаны были Тайная Вечеря на царскихъ вратахъ, икона Спасителя, икона Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, подлѣ иконы Спасителя икона св. Великомученицы Татіаны, у праваго клироса икона св. Праведныя Елизаветы; подлѣ иконы Богоматери икона св. равноапостольнаго князя Владиміра, у лѣваго клироса икона св. Іоанна Милостиваго, ангела Ивана Ивановича Шувалова; на сѣверной боковой двери образъ св первомученика архидіакона Стефана, на южной—св. праведнаго пророка Моисея. Всѣ эти иконы, по словамъ проф. Петра Иларіоновича Страхова, написаны были на доскахъ, „хотя и въ итальянскомъ стилѣ,—но съ соблюденіемъ византійскаго благоприличія“. „Но всѣхъ болѣе,—говоритъ тотъ же современникъ,—поражала зрѣніе посѣтителей большая икона, стоявшая на алтарѣ за престоломъ на горнемъ мѣстѣ: она писана была на полотнѣ, изображала моленіе Спасителя о чашѣ. Христосъ представленъ былъ здѣсь въ обыкновенную величину роста человѣческаго, стоящій на колѣнахъ съ крестообразно-сложенными руками на груди; ликъ его кроткій, преходящій отъ смущенія къ надеждѣ и спокойствію; предъ Спасителемъ у самой земли въ свѣтломъ облакѣ изображался ангелъ въ бѣлыхъ ризахъ съ распростертыми крылами и съ потиромъ или чашею въ рукахъ. Сей посланникъ Вседержителя съ кроткимъ утѣшающимъ взоромъ какъ будто бы вѣщаетъ Искупителю, ободряетъ и укрѣпляетъ надеждою на помощь Бога Отца: яркій лучъ свѣта небеснаго нисходитъ черезъ ликъ ангела на Христа и освѣщаетъ всѣ предметы, на иконѣ изображенные. Спаситель и

ангелъ казались совершенно живыми, особенно же когда зрители-богомольцы становились предъ растворенными царскими дверями храма". Въ сводѣ купола надъ крестомъ изображенъ былъ Духъ Святый въ видѣ голубя, парящаго въ небесной высотѣ. По правую сторону царскихъ вратъ у колонны на особомъ аналоѣ изъ краснаго дерева за стекломъ стоялъ образъ Спасителя кисти Тиціано, кѣмъ-то подаренный университету: ликъ Христа съ терновымъ вѣнцомъ на главѣ былъ изображенъ до полугруди въ обыкновенную величину человѣческаго роста. По другой сторонѣ царскихъ вратъ на такомъ же аналоѣ лежалъ въ золотой рамѣ образъ св. Благовѣрнаго Александра Невскаго. Иконостасъ, куполъ и колонны алтаря выкрашены были бѣлою краскою. Въ особомъ иконостасѣ по стѣнѣ церковной трапезы стояли иконы стараго письма, принесенныя изъ упраздненной церкви св. Діонисія Ареопагита. Церковь при своей простотѣ была такъ изящна и величественна, что посѣтившій ее 6 декабря 1809 года императоръ Александръ Павловичъ былъ отъ нея въ восхищеніи и, не слушая привѣтственной рѣчи настоятеля Малиновскаго, воскликнулъ, обращаясь къ сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ: „Ахъ, какъ хорошо"! [25]).

Въ главномъ корпусѣ не могли быть сосредоточены всѣ университетскія учрежденія и квартиры, и значительная часть ихъ продолжала занимать отдѣльные дома на университетскомъ дворѣ. Такъ, въ большомъ деревянномъ флигелѣ, стоявшемъ рядомъ съ лѣвымъ крыломъ главнаго корпуса бокомъ на Моховую, находился баккалаврскій, или педагогическій институтъ, и жили его директоръ и нѣкоторые изъ профессоровъ; позади его въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ находилась университетская больница и жили ея докторъ и прислуга и нѣкоторыя лица изъ университетской администраціи; еще дальше внутрь двора въ длинномъ каменномъ домѣ жили профессора и разныя должностныя лица; въ бывшемъ домѣ княгини Волконской помѣстился анатомическій театръ; неподалеку въ каменномъ домѣ жилъ прозекторъ анатоміи и другіе служащіе университета, въ двухъ деревянныхъ домахъ были прачешныя, въ третьемъ—квартира университетскаго пристава съ женою—кастеляншею; въ большомъ каменномъ флигелѣ, выстроенномъ по Никитской позади главнаго корпуса, помѣщался сначала пансіонъ, учрежденный послѣ вывода Вольнаго Благороднаго пансіона на Тверскую, а затѣмъ съ 1805 года клиническій институтъ съ глазною больницею; Вольный Благородный пансіонъ сначала помѣщался въ деревянномъ флигелѣ кн. Волконской, а затѣмъ въ 1890 году переведенъ былъ въ домъ Межевой канцеляріи на Тверскую, куда еще раньше переведены были университетская типографія и книжная лавка (въ этой лавкѣ продавались „Московскія Вѣдомости", отчего и Вражскій переулокъ получилъ прозваніе Газетнаго) [26]); но въ 1811 году

---

25) Пр. Страховъ, Краткая исторія академической гимназіи, стр. 48, 49.

26) Москвитянинъ 1851, № 9—10; стр. 9, 10; П. И. Страховъ, Краткая исторія. академической гимназіи, стр. 61, 62; Шевыревъ, op. cit., стр. 215—216, 263, 264.

типографія и книжная лавка были уже переведены на Дмитровку [27]). Таково было внѣшнее устроеніе нашего университета къ 1812 году. Къ этому же времени завершилась и внутренняя организація его, какъ высшей школы, и Московскій университетъ сталъ дѣйствительно тѣмъ, что разумѣется подъ именемъ университета.

Надо сказать, что до преобразованія своего въ 1804 году Московскій университетъ былъ больше среднею, чѣмъ высшею школою. Извѣстно, что по мысли Ломоносова при университетѣ учреждены были двѣ гимназіи, для дворянъ и разночинцевъ, которые и должны были готовиться здѣсь какъ для поступленія въ университетъ, такъ и на государственную службу. Эти-то гимназіи и стали преимущественно пополняться молодежью, а университетъ почти пустовалъ, ибо находилось мало охотниковъ доучиваться въ немъ. Въ 1787 году въ этихъ гимназіяхъ было 1010 человѣкъ: благородныхъ на своемъ содержаніи 487, на казенномъ 79, разночинцевъ на своемъ содержаніи 373, на казенномъ 71 [28]). Въ 1803 г. наканунѣ преобразованія университета, въ университетскихъ гимназіяхъ, не считая Вольнаго Благороднаго пансіона, состояло 958 человѣкъ: 130 на казенномъ содержаніи, 115 на стопятидесяти-рублевомъ пансіонѣ, 104 сверхъ-комплектныхъ и 563 приходящихъ [29]). Университетъ, какъ видите, тогда наполненъ былъ болѣе зеленою молодежью, чѣмъ теперь. Въ немъ нельзя насчитать даже десяти аудиторій, но за то было 22 ученическихъ класса; шестнадцать малыхъ камеръ и одна большая казарма въ главномъ корпусѣ заняты были казенно-коштными учениками; большой каменный флигель на Никитской занятъ съ 1791 года былъ стопятидесяти рублевыми учениками пансіонерами [30]). Среди всей этой школьной молодежи юноша-студентъ былъ почти не виденъ. Въ 1787 году на 1010 учениковъ приходилось всего 82 студента: 64 казеннокоштныхъ и 18 своекоштныхъ [31]), въ 1803 году студентовъ было не болѣе 100 человѣкъ, изъ коихъ 50 было казеннокоштныхъ [32]). Студенты при гимназистахъ играли роль надзирателей и воспитателей и даже учителей (въ низшихъ классахъ). — Съ теченіемъ времени университету стало уже не подъ силу справляться съ обученіемъ и воспитаніемъ огромной массы ребятъ, и онъ выдѣлилъ изъ себя Вольный Благородный пансіонъ (въ 1779 году). Сначала этотъ пансіонъ былъ только пансіономъ; учились же пансіонеры вмѣстѣ съ другими учениками университетскихъ гимназій. Но затѣмъ, съ переводомъ его на Тверскую въ домъ Межевой канцеляріи, устроены были

---

[27]) Шевыревъ, op. cit., стр. 409.

[28]) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами, стр. 31. Москва 1787 г.

[29]) Шевыревъ, op. cit. стр. 373

[30]) П. И. Страховъ, op. cit., стр. 3, 60; Москвитянинъ 1851, № 9—10, стр. 33.

[31]) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами, стр. 31.

[32]) Дѣло попечит. канц. 1813 г., № 65.

для него тамъ же и отдѣльные классы. Вольный Благородный пансіонъ превратился, такимъ образомъ, въ особую гимназію при университетѣ, третью по счету, имѣвшую своего особаго инспектора или смотрителя изъ профессоровъ университета, своихъ особыхъ учителей и состоявшую только въ общемъ вѣдѣніи университета [33]).

За все это время центръ тяжести всей учебно-воспитательной жизни университета сосредоточивался именно въ его гимназіяхъ. Большинство преподавательскаго персонала университета составляли учителя [34]). Въ 1787 году въ университетѣ было всего 16 профессоровъ (11 ординарныхъ и 5 экстраординарныхъ), а учителей было 49 [35]). Впрочемъ и большинство профессоровъ и адъюнктовъ состояли преподавателями въ гимназіяхъ. Надо сказать, что и въ самой постановкѣ преподаванія не было проведено строгой границы между среднею и высшею школою, и въ гимназіяхъ преподавалось много такого, чему мѣсто по настоящему въ высшей школѣ, напр. миѳологія, римскія древности, языки еврейскій, халдейскій и татарскій, военная и гражданская теоретическая архитектура, геодезія, основаніе политическихъ наукъ, статистика, геральдика, нумизматика, древняя географія, естественная исторія, умственная и нравственная философія, энциклопедическое обозрѣніе всѣхъ наукъ и проч. и проч. [36]). Такая многопредметность университетской гимназіи происходила именно отъ того, что она готовила все-таки не столько къ университету, сколько къ службѣ. Энциклопедизмъ преподаванія не обременялъ учащихся: университетъ предоставлялъ ученикамъ учиться тому, что имъ нравилось, или что они признавали для себя необходимымъ, у тѣхъ учителей, у кого они желали, такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ обычно преподавался параллельно нѣсколькими учителями. Классовъ въ нашемъ смыслѣ, съ опредѣленнымъ составомъ предметовъ, не было; наоборотъ—каждый предметъ въ программѣ преподаванія дѣлился на классы, и ученики переходили изъ класса въ классъ по каждому предмету особо, сообразно своимъ успѣхамъ, подвигаясь впередъ по одному предмету, отставая въ другомъ. Большинство ограничивалось одною гимназіею и выходило, не достигая степени студента, при чемъ получало отъ университета удостовѣреніе объ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи, не дававшее никакихъ правъ и служившее только рекомендаціею при поступленіи на службу. Готовя молодыхъ людей такъ или иначе къ предстоящей службѣ, университетъ обучалъ ихъ даже военнымъ экзерциціямъ. Съ Ѳомина понедѣльника желающіе ученики записывались рядовыми къ ротнымъ

---

[33]) П. И. Страховъ, op. cit., стр. 59. Шевыревъ op. cit., стр. 43.

[34]) Въ 1755—1760 г. профессоровъ и преподавателей въ университетѣ числилось не болѣе 12 человѣкъ, тогда какъ учителей въ гимназіи насчитывалось уже 36.

[35]) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи, стр. 31.

[36]) П. И. Страховъ, op. cit, стр. 4, 5; Шевыревъ, op. cit., стр. 42, 43.

командирамъ—студентамъ, которые въ вечерніе свободные часы обучали ихъ сначала выправкѣ и маршировкѣ, а потомъ ружейнымъ пріемамъ, для чего выдавались казенныя ружья. Тѣ ученики, которые оставались въ университетѣ и на лѣтнее время, продолжали военныя экзерциціи. Въ сентябрѣ въ праздничный день производился университетскому потѣшному батальону смотръ, на который приглашался кто-либо изъ генераловъ, напр. московскій комендантъ, либо шефъ полковъ, стоявшихъ въ столицѣ. Военное обученіе носило серьезный характеръ, съ примѣненіемъ всѣхъ правилъ военной дисциплины [37]).

Итакъ, до 1804 года преподавательскія силы университета расходовались преимущественно и главнымъ образомъ на элементарное преподаваніе. Что касается преподаванія высшаго, научнаго, то оно, можно сказать, прозябало въ Московскомъ университетѣ. При учрежденіи университета во всѣхъ факультетахъ положено было имѣть десять профессоровъ: трехъ для юридическаго факультета (юриспруденціи всеобщей, юриспруденціи русской и политики), трехъ для медицинскаго факультета (химіи съ примѣненіемъ къ химіи аптекарской, натуральной исторіи, анатоміи въ связи съ медицинской практикой), четырехъ для философскаго (философіи съ включеніемъ логики, метафизики и нравоученія, физики, экспериментальной и теоретической, краснорѣчія со стихотворствомъ, исторіи всеобщей и русской съ древностями и геральдикою [38]). Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ со времени открытія университета, а высшее преподаваніе въ немъ мало развернулось по сравненію съ этимъ первоначальнымъ его наброскомъ. Въ 1802—3 академическомъ году на юридическомъ факультетѣ преподавали четыре профессора: медикъ Скіаданъ—право естественное и народное по Пуффендорфу, Баузе—римское право по Гейнекцію, Горюшкинъ—русское практическое судопроизводство, Шлецеръ—политику по книгѣ своего отца; на медицинскомъ факультетѣ преподавало пять профессоровъ: Политковскій—химію и практическую медицину, Керестури—анатомію (въ другіе годы и хирургію) и судебную медицину; Андреевскій при немъ былъ прозекторомъ и кромѣ того читалъ остеологію по Земмерлингу; Рихтеръ читалъ хирургію и повивальное искусство, Барсукъ-Моисеевъ – физіологію по Блуменбаху, патологію и терапію по Лудвигу; на философскомъ факультетѣ преподавали девять профессоровъ: профессоръ юридическаго факультета Баузе—общую энциклопедію наукъ съ библіографіею по всѣмъ отраслямъ знанія; Брянцевъ — логику и метафизику (въ другіе годы и психологію) по Федеру, Страховъ — физику по Бриссону, Аршеневскій—геометрію по Вейдлеру (въ другіе годы онъ преподавалъ еще изъясненіе математическаго способа ученія и гражданскую ариѳметику, плоскую тригонометрію и алгебру), Панкевичъ—оптику, перспективу, катоптрику и діоптрику (въ другіе

---

[37]) П. И. Страховъ, стр. 8—12, 52—54.

[38]) Шевыревъ op. cit. стр. 13.

годы кромѣ того: механику, гидравлику и аэрометрію съ устройствомъ машинъ, сферическую тригонометрію, сферическую и теоретическую астрономію, математическую географію и навигацію), Чеботаревъ—латинскую и россійскую словесность, Черепановъ—всеобщую исторію по Шрекку, Геймъ—нѣмецкую словесность (въ другіе годы, кромѣ того, хронологію, геральдику и нумизматику), Ватэ — французскую словесность [39]). Кромѣ того профессоромъ натуральной исторіи состоялъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ- Антонскій [40]); двое лицъ, Сохацкій и Снегиревъ, хотя и носили званіе профессоровъ, но преподавали только въ гимназіяхъ [41]).

Скудно обставленное преподавательскими силами, высшее преподаваніе въ Московскомъ университетѣ долгое время не могло процвѣтать и по недостатку матеріальныхъ средствъ, которыя уходили преимущественно на гимназіи. Изъ отчета попечителя М. Н. Муравьева за 1803 годъ видно, что университетская библіотека съ давняго времени оставалась въ скудномъ состояніи, и „университетъ лишенъ былъ единственнаго способа соразмѣрять постепенные успѣхи свои съ распространеніемъ наукъ въ Европѣ“ [42]). При основаніи университета была открыта библіотека, „состоящая изъ знатнаго числа книгъ на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ“ [43]). Впослѣдствіи библіотека получила кое-какія пожертвованія, напр., отъ вдовы и сыновей Прокопія Акинѳіевича Демидова въ 1789 году, отъ Алексѣя Александровича Засѣцкаго древними книгами и рукописями [44]), пополнялась тѣми книгами, которыя печатались въ университетской типографіи, но по всѣмъ даннымъ не пополнялась или пополнялась слабо систематическою выпискою новыхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія изъ-за границы. Университетъ совсѣмъ не имѣлъ астрономической обсерваторіи съ надлежащими инструментами. Физическій кабинетъ, по словамъ Муравьева, хотя и былъ обиленъ машинами и снарядами, но уже значительно устарѣлъ и отсталъ отъ науки. Необходимыя для медицинскаго факультета клиники отсутствовали; факультетъ доносилъ попечителю „о совершенномъ почти недостаткѣ или обветшалости хирургическихъ и анатомическихъ орудій“, которыя выписаны были еще въ 1766 году и съ тѣхъ поръ сдѣлались вовсе неупотребительными“ [45]). Болѣе посчастливилось натуральной исторіи, для преподаванія которой благодаря пожертвованіямъ создался значительный кабинетъ. Еще въ 1759 году наслѣдники Акинѳія Демидова подарили университету

---

[39]) Шевыревъ, op. cit. стр. 322, 323.

[40]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, ч. 1, стр. 14.

[41]) Шевыревъ, op cit, стр. 323.

[42]) Тамъ же, стр. 328.

[43]) Тамъ же, стр. 25.

[44]) Тамъ же, стр. 114, 118.

[45]) Тамъ же стр. 327—329.

его богатый минералогическій кабинетъ (всего до 6000 экспонатовъ); въ 1786 году вдова и сыновья Прокофія Акиніевича пожертвовали университету его знаменитый гербарій; Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, двоюродный братъ Прокофія, въ 1778 году преподнесъ университету превосходное собраніе моделей, относящихся до горнаго и плавильнаго искусствъ и представляющихъ различныя штольни, шахты, печи, машины, инструменты, сверхъ того прислалъ 28 банокъ съ рѣдкими экземплярами изъ царства животныхъ, сохранявшимися въ спиртѣ; академикъ Лаксманъ въ 1783 году подарилъ университету сибирскіе камни разнаго рода съ описаніемъ; титулярный совѣтникъ Петръ Стариковъ въ 1784 году подарилъ университету порядочное количество золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ штуфовъ и различныхъ сибирскихъ камней; графъ Алексѣй Сергѣевичъ Строгановъ въ 1797 году прислалъ въ университетъ значительное собраніе вещей для анатомическаго и зоологическаго кабинетовъ; въ слѣдующемъ году главный директоръ горныхъ и мѣстныхъ дѣлъ Соймоновъ прислалъ для минералогическаго кабинета новую большую партію штуфовъ. Но самое крупное пожертвованіе сдѣлано было въ 1802 году императоромъ Александромъ I. Государь пожаловалъ университету натуральный кабинетъ, купленный у вдовы воеводы Брацлавскаго кн. Яблоновскаго за 50 т. голландскихъ червонцевъ[46]). При такихъ коллекціяхъ и преподаваніе натуральной исторіи могло вестись болѣе удовлетворительно, чѣмъ преподаваніе другихъ предметовъ философскаго, и въ особенности медицинскаго факультетовъ.

Но печальному состоянію высшаго преподаванія въ Московскомъ университетѣ положенъ былъ въ началѣ XIX вѣка конецъ. Реформаторскій порывъ, охватившій русское правительство и общество въ началѣ царствованія Александра I, коснулся и постановки народнаго образованія. Въ 1802 году воспитаніе юношества и распространеніе наукъ ввѣрены были особому министру народнаго просвѣщенія, коему подчинено было и Главное училищъ правленіе. Въ слѣдующемъ 1803 году изданы были предварительныя правила народнаго просвѣщенія. Въ нихъ начертаны были основанія новаго устройства и управленія школъ, при чемъ университетамъ отведено было высокое положеніе и руководящая роль. Вся Россія раздѣлялась на учебные округа, во главѣ которыхъ стояли университеты: Московскій, Виленскій, Дерптскій и предположены къ открытію С.-Петербургскій, Казанскій и Харьковскій. Каждый университетъ получалъ свое правленіе, во главѣ котораго стоялъ ректоръ, избранный общимъ собраніемъ университета и представляемый черезъ министра главнымъ правленіемъ училищъ на Высочайшее утвержденіе. Избраніе профессоровъ возлагалось также на общее собраніе университета, при чемъ попечитель представлялъ ихъ на утвержденіе министра. Профессоры по роду наукъ составляли

---

[46]) Тамъ же, стр. 50, 51, 114, 118, 119, 294, 315.

отдѣленія, изъ которыхъ каждое избираетъ большинствомъ голосовъ своего старѣйшину (декана) на опредѣленное время. Эти старѣйшины вмѣстѣ съ ректоромъ и составляютъ правленіе университета, профессора же всѣхъ отдѣленій—общее собраніе университета. Предварительныя правила предусматривали для университетовъ библіотеки, открытыя въ опредѣленное время для посѣтителей, также собраніе естественныхъ и искусственныхъ произведеній, типографіи и т. под. Руководящая роль университета въ учебной жизни округа должна была проявляться прежде всего въ томъ, что университетъ долженъ былъ готовить для округа учителей. Для этого при каждомъ университетѣ учреждался педагогическій институтъ. Студенты, принятые въ него, получали званіе кандидатовъ и состояли большею частью на казенномъ содержаніи, за что обязывались прослужить потомъ шесть лѣтъ въ учительской должности. Члены университета ежегодно должны были обозрѣвать училища округа и доносить обо всемъ замѣченномъ общему собранію, которое въ свою очередь доносило попечителю. Гимназіи округа обо всѣхъ распоряженіяхъ по учебной и хозяйственной жизни обязывались доносить ректору, а послѣдній попечителю. Попечитель округа, поставленный въ посредники между своимъ округомъ, университетомъ и министромъ и состоявшій членомъ главнаго училищъ Управленія, обязанъ былъ всемѣрно заботиться о преуспѣяніи учебныхъ заведеній, о распространеніи и успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ его округѣ. Цѣнность университетскаго образованія подчеркивалась служебными правами, которыя правила предоставляли учившимся въ университетѣ: студенты при поступленіи на службу должны были получать чинъ 14 класса, кандидаты 12, магистры 9 и доктора 8.

Университетъ, которому отводилось столь почетное мѣсто въ системѣ школъ и даже руководительство ими, конечно, прежде всего самъ долженъ былъ получить надлежащее устроеніе. Для выработки новыхъ уставовъ академіи наукъ, академіи Россійской и Московскаго университета образованъ былъ особый комитетъ изъ сенаторовъ М. Н. Муравьева, графа Потоцкаго и академика Фуса, коимъ въ отношеніи названныхъ учрежденій повелѣно было „сообразивъ ихъ съ намѣреніемъ сихъ учрежденій и съ истиннымъ средствомъ расширенія пользы ихъ и дѣйствія на народное просвѣщеніе, сравнить съ лучшими въ семъ родѣ иностранными заведеніями, и по сему сравненію сдѣлать надлежащія перемѣны или дополненія, какія къ лучшему ихъ устройству могутъ быть нужными“ [48]). Плодомъ работъ этой комиссіи и былъ уставъ Московскаго университета, дарованный ему вмѣстѣ съ утвержденною грамотою на права и преимущества 5 ноября 1804 года. Этотъ уставъ въ корнѣ измѣнилъ всю постановку обученія въ Московскомъ университетѣ.

---

[48]) Шевыревъ, op. cit., стр. 316.

По новому уставу образовались уже не три, а четыре факультета съ 29 спеціальностями или каѳедрами вмѣсто прежнихъ 10, а именно: на отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ: 1) богословіе догматическое и нравоучительное, 2) толкованіе св. писанія и церковной исторіи, 3) умозрительная и практическая философія, 4) право естественное, политическое и исторія, 5) право гражданское и уголовное судопроизводство въ Россійской имперіи, 6) право знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, 7) дипломатика и политическая экономія; на отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ: 1) теоретическая и опытная физика, 2) чистая математика, 3) прикладная математика, 4) астрономія, 5) химія, 6) ботаника, 7) минералогія и сельское домоводство, 8) технологія и науки, относящіяся къ торговлѣ и фабрикамъ, 9) натуральная исторія; на отдѣленіи врачебныхъ или медицинскихъ наукъ: 1) анатомія, физіологія и судебная врачебная наука, 2) патологія, терапія и клиника, 3) врачебное веществословіе, фармація и врачебная словесность, 4) хирургія, 5) повивальное искусство, 6) скотолѣченіе, въ отдѣленіи словесныхъ наукъ: 1) краснорѣчіе, стихотворство и языкъ россійскій, 2) греческій языкъ и греческая словесность, 3) древности и языкъ латинскій, 4) всемірная исторія, 5) исторія, статистика и географія Россійскаго государства, 6) восточные языки, 7) теорія изящныхъ искусствъ и археологія (§ 24 и 25). Преподаваніе по этимъ каѳедрамъ должны были вести ординарные профессоры и адъюнкты, производившіеся за заслуги въ экстраординарные профессоры (§ 34—39); преподаваніе иностранныхъ языковъ возлагалось на лекторовъ. „Для распространенія наукъ и просвѣщенія“ уставъ узаконялъ существованіе библіотеки, имѣющей свою штатную сумму и регулярно пополняемой выпискою книгъ черезъ факультетъ и совѣтъ, и существованіе разныхъ институтовъ, содержимыхъ также на штатныя суммы: физическаго кабинета, астрономической обсерваторіи, химической лабораторіи и минеральнаго кабинета, кабинета естественной исторіи, ботаническаго сада, анатомическаго театра, клиническаго, хирургическаго и повивальнаго институтовъ (§ 76—95). Кромѣ того, узаконялось существованіе при университетѣ особаго педагогическаго института для подготовленія учителей гимназіи подъ начальствомъ выбраннаго совѣтомъ директора изъ ординарныхъ профессоровъ (§ 125—133). Въ отношеніи управленія уставъ развивалъ подробно начала, уже утвержденныя въ предварительныхъ правилахъ, между прочимъ учреждалъ особый училищный комитетъ изъ шести профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора для управленія подвѣдомственными университету училищами (§ 163—177). Поставивъ университетъ во главѣ управленія всѣми училищами округа, новый уставъ уже освободилъ его отъ обязанности непосредственно содержать при себѣ и вести среднюю школу. Университету только не воспрещалось содержать изъ хозяйственной суммы академическую гимназію, „въ первомъ основаніи къ нему присоединен-

ную“, равно какъ и благородный пансіонъ (§ 9). Очевидно, это дозволеніе было извѣстнымъ компромиссомъ съ прошлымъ, отъ котораго нельзя было сразу и круто отдѣлаться. Но высшее преподаваніе поставлено въ новомъ уставѣ, какъ прямое и главное назначеніе университета.

М. Н. Муравьевъ.

Начертанная уставомъ 1804 года организація Московскаго университета не осталась на бумагѣ, а воплотилась въ жизнь. Еще до опубликованія новаго устава назначенный попечителемъ Московскаго учебнаго округа творецъ этого устава Михаилъ Никитичъ Муравьевъ озаботился увеличеніемъ состава профессоровъ и преподавателей университета. Имъ приглашены были въ Москву нѣкоторые иностранные ученые: изъ Геттингена проф. Гофманъ на каѳедру ботаники, Рейсъ—

на каѳедру химіи, Буле—на каѳедру философіи изящныхъ искусствъ; изъ Кельна Иде — на каѳедру чистой математики, Рейнгардтъ — на каѳедру философіи; изъ Майнца Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ—на каѳедру натуральной исторіи; изъ Лейпцига Гольдбахъ на каѳедру философіи, Маттеи—для преподаванія греческой словесности; изъ Галле Штельцеръ—на каѳедру юриспруденціи [49]). Муравьевъ шелъ дальше—хотѣлъ подготовить своихъ русскихъ профессоровъ, которые могли бы читать лекціи на русскомъ языкѣ. Онъ вошелъ въ близкія и живыя сношенія съ молодыми русскими учеными, оказывалъ имъ всякое покровительство, отправлялъ на казенный счетъ за границу для изученія наукъ и постановки университетскаго преподаванія. Усилія эти увѣнчались успѣхомъ, и со времени введенія новаго устава до 1812 года включительно поступило въ составъ преподавателей Московскаго университета до 25 русскихъ ученыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ стяжали себѣ потомъ большую извѣстность, какъ напр. профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, профессоръ технологіи Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій, профессоръ патологіи и директоръ терапевтической клиники Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ и др. Благодаря этимъ мѣрамъ Московскій университетъ наполнился преподавательскими силами. Къ моменту вторженія Наполеона въ немъ насчитывалось уже 37 преподавателей профессоровъ и адъюнктовъ [50]).

Организовались и предусмотрѣнныя въ уставѣ учебно-вспомогательныя учрежденія. Увидавъ скудость библіотеки, Муравьевъ поспѣшилъ пополнить ее новѣйшими сочиненіями по химіи, высшей геометріи и политической экономіи (Лавуазье, Фуркруа, Лаланда, Монжа Прони, Смита, Стюарта, Бентама и др.); кромѣ того, онъ купилъ для него библіотеку покойнаго профессора Шадена. Имѣя въ виду основать обсерваторію, Муравьевъ пріобрѣлъ грегоріанскій телескопъ Керіевой работы, выписалъ изъ Лондона Арнольдовъ хронометръ и заказалъ за границею большой регуляторъ и полный кругъ величиною три фута въ діаметрѣ. Для химической лабораторіи онъ соорудилъ по рисунку Ловица химическій каминъ и пріобрѣлъ необходимые сосуды. Физическій кабинетъ Муравьевъ пополнилъ новыми приборами, между прочимъ препроводилъ въ него гальваническій аппаратъ и Атвудовъ снарядъ для демонстраціи ускорительнаго паденія тѣлъ. Изъ Лондона Муравьевъ выписалъ полный наборъ хирургическихъ и анатомическихъ инструментовъ [51]). Но особенно богатые вклады по части ученыхъ пособій сдѣлали нѣкоторыя частныя лица.

---

[49]) Шевыревъ. op., cit. стр. 329, 337; Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета.

[50]) Н. А. Поповъ, Московскій университетъ послѣ 1812 года. Русскій Архивъ 1881, кн. I стр. 386.

[51]) Шевыревъ op. cit., стр. 329, 368.

Издавая въ 1803 г. предварительныя правила министерства народнаго просвѣщенія, правительство обратилось къ патріотамъ съ при-

глашеніемъ содѣйствовать своими пожертвованіями благу отечественнаго просвѣщенія. На это приглашеніе прежде другихъ отозвался На-

велъ Григорьевичъ Демидовъ, пожертвовавъ 100 т. рублей и 3578 душъ крестьянъ на заведеніе въ Ярославлѣ училища, соотвѣтствующаго значеніемъ своимъ университету, для неимущихъ дворянъ Ярославской губерніи, 100 т. рублей для будущихъ университетовъ кіевскаго и тобольскаго, 100 рублей Московскому университету на содержаніе студентовъ и каѳедры натуральной исторіи. Кромѣ денегъ, Демидовъ подарилъ университету свою библіотеку, собранную имъ въ теченіе всей жизни, кабинетъ натуральной исторіи, минцъ-кабинетъ съ медалями и монетами почти всѣхъ европейскихъ государствъ и собраніе художественныхъ рѣдкостей, что все оцѣнивалось тогда на сумму до 250 тысячъ рублей [52]). У Демидова нашлись скоро подражатели: кн. А. А. Урусовъ преподнесъ университету свою коллекцію минераловъ, рѣдкихъ энкаустическихъ и мозаическихъ картинъ, монетъ и драгоцѣнныхъ камней, оцѣненную въ 150 тысячъ рублей; княгиня Екатерина Романовна Дашкова въ 1807 году принесла въ даръ университету кабинетъ натуральной исторіи и другихъ рѣдкостей, который былъ собранъ въ теченіе 30 лѣтъ, и который состоялъ изъ 15½ тысячъ предметовъ (цѣнился въ 50 т. рублей), и значительную библіотеку. Кромѣ этихъ главныхъ жертвователей участвовали въ приношеніяхъ Германъ, Раздеришинъ, Стариковъ и профессоръ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, подарившій университету свое собраніе натуральныхъ произведеній, рѣдкихъ скелетовъ и ископаемыхъ. Благодаря всѣмъ этимъ приношеніямъ въ Московскомъ университетѣ составился огромный музей натуральной исторіи, занявшій семь залъ [53]).

Въ томъ же самомъ 1805 году, когда открытъ былъ новый музей натуральной исторіи, открытъ былъ въ каменномъ флигелѣ на Никитской клинической институтъ съ глазною лѣчебницею, а въ слѣдующемъ году и повивальный институтъ съ родильнымъ госпиталемъ пока только на три кровати. Ботаническій садъ, существовавшій доселѣ на землѣ, пріобрѣтенной отъ князя Барятинскаго (очевидно, подъ Ботаническій садъ былъ приспособленъ прежній барскій садъ), устроенъ былъ въ бывшемъ аптекарскомъ саду медико-хирургической академіи на Мѣщанской [54]). Устроено было въ концѣ концовъ и нѣкоторое подобіе обсерваторіи въ видѣ деревянной башни на крышѣ главнаго корпуса. Для обсерваторіи И. Г. Демидовъ подарилъ между прочимъ прекрасный экваторіалъ работы англійскаго мастера Шорта [55]).

Въ общемъ можно съ полнымъ правомъ сказать, что Московскій университетъ приспособился болѣе, чѣмъ прежде къ высшему научному преподаванію, сдѣлалъ рѣшительные шаги къ превращенію въ

---

[52]) Шевыревъ, op. cit., стр. 320, 321.

[53]) Шевыревъ, op. cit., стр. 369, 370, 372.

[54]) Шевыревъ, op. cit., стр. 366, 367.

[55]) Тамъ же, стр. 372; А. А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ т. II, стр. 445.

настоящее высшее учебное заведеніе. Правда, при немъ остались и гимназія, получившая названіе академической, и Вольный Благородный пансіонъ. Но Вольный Благородный пансіонъ представлялъ уже обособившееся, содержавшее само себя, учебное заведеніе, которое, получая отъ университета инспектора и его помощника, находилось только подъ общимъ надзоромъ и руководствомъ университета подобно всѣмъ другимъ гимназіямъ округа [56]). Что касается академической гимназіи, то она получила спеціальное назначеніе. Въ нее должны были поступать наилучшіе ученики губернскихъ гимназій, лишенные средства къ полученію высшаго образованія, но желающіе посвятить себя ученому званію. По окончаніи четырехгодичнаго курса въ этой гимназіи эти ученики имѣли поступать въ университетъ, а оттуда въ педагогическій институтъ для подготовленія къ учительству или же къ профессурѣ. Статья 3 постановленія академической гимназіи предусматривала, что „ежели сверхъ чаянія найдется какой-либо воспитанникъ изъ новопринятыхъ несоотвѣтствующимъ намѣренію гимназіи, то въ теченіе перваго года, по совершенномъ удостовѣреніи въ его неспособности, возвращается къ родителямъ на счетъ университетскаго хозяйства, или отпускается начальствомъ университета въ гражданскую службу, естьли онъ самъ или его родственники того пожелаютъ“. При такихъ условіяхъ число учениковъ не могло быть велико въ академической гимназіи, и преподаваніе въ ней не могло поглощать много силъ у университетскаго персонала (въ академической гимназіи преподавали адъюнкты, лекторы, магистры и учители „пріятныхъ искусствъ“[57]). Въ 1812 году въ академичекой гимназіи было казенныхъ учениковъ около 50 человѣкъ [58]).

Чтобы составить представленіе объ установившейся къ 1812 году жизни и дѣятельности Московскаго университета, необходимо ознакомиться также съ тогдашними профессорами.

Въ составѣ преподавателей Московскаго университета и послѣ введенія устава 1804 года, какъ и раньше, преобладали нѣмцы и семинаристы-поповичи. Но нѣмцы подобрались уже гораздо удачнѣе чѣмъ раньше, и представляли изъ себя въ общемъ довольно крупныя научныя силы. Конечно всѣ эти люди прибыли въ Россію не по какимъ-либо идеальнымъ культуръ-трегерскимъ мотивамъ, а просто въ чаяніи внѣшнихъ благъ отъ щедраго русскаго правительства и общества. Но при всемъ томъ это не были ученые ремесленники, промышлявшіе своею ученостью, въ родѣ, напр., пресловутаго Дильтея, который мыкался постоянно по частнымъ урокамъ, забрасывая университетскія лекціи, и будучи крайне сомнительной учености, препода-

---

[56]) См. „Постановленіе Благороднаго пансіона при Императорскомъ Московскомъ университетѣ учрежденнаго“.

[57]) Постановленіе академической гимназіи 1806 г.

[58]) Дѣло правленія 1813 г. № 137; дѣло попечит. канцеляріи 1813 г. № 65.

валъ что угодно и какъ угодно, лишь бы ему хорошо платили; или въ родѣ профессора прикладной математики Роста, который не только преподавалъ эту науку, но и скупалъ хлѣбъ для голландской компаніи, наживаясь страшно на этихъ операціяхъ (у него было болѣе 1000 душъ крестьянъ и нѣсколько сотъ тысячъ капитала). Большинство нѣмцевъ, преподававшихъ въ нашемъ университетѣ передъ 1812 годомъ, были дѣйствительно люди науки, занимавшіеся своимъ дѣломъ по внутреннему своему призванію, по пріѣздѣ въ Россію не утратившіе того научного одушевленія, тѣхъ чувствъ, понятій, вкусовъ и привычекъ, которыми они успѣли проникнуться у себя на родинѣ, въ своихъ университетскихъ городахъ и городкахъ. Вотъ, напр., передъ нами старѣйшій изъ этихъ нѣмцевъ — ректоръ 1812 года Иванъ Андреевичъ Геймъ. Онъ былъ сначала лекторомъ нѣмецкаго языка и классическихъ древностей и одновременно помощникомъ библіотекаря, а потомъ инспекторомъ Благороднаго пансіона; затѣмъ сталъ читать нѣмецкую словесность, хронологію, геральдику и нумизматику, потомъ исторію и статистику европейскихъ государствъ и науку торговли въ связи съ нумизматикой. Это былъ университетскій человѣкъ въ настоящемъ смыслѣ слова, пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ какъ со стороны товарищей, такъ и со стороны начальства. Его выбирали одинъ разъ въ деканы словеснаго отдѣленія, четыре раза въ ректоры (онъ носилъ это званіе 12 лѣтъ); одновременно съ тѣмъ онъ былъ членомъ испытательнаго комитета для чиновниковъ, которымъ онъ читалъ и лекціи, визитаторомъ училищъ Московскаго учебнаго округа и библіотекаремъ университета. Онъ вполнѣ сроднился съ университетомъ и новою родиною, сдѣлался своимъ человѣкомъ въ русской университетской средѣ. Среди разнообразныхъ занятій онъ находилъ время и для научно-литературныхъ трудовъ, которые, впрочемъ, стояли въ тѣсной связи съ его преподавательскою дѣятельностью. Освоившись хорошо съ русскимъ языкомъ, онъ составилъ и издалъ цѣлый рядъ учебниковъ по русскому языку для нѣмцевъ, словарь русско-французскій и русско-французско-нѣмецкій. Кромѣ того имъ были составлены и изданы подробное топографическое и статистическое описаніе Россійскаго государства, всеобщая географія въ нѣсколькихъ изданіяхъ, статистика европейскихъ государствъ и т. д. и т. д. [59]). Въ научномъ отношеніи, впрочемъ, болѣе крупныя фигуры представляли профессора, приглашенные Муравьевымъ Вотъ, напр., передъ нами профессоръ ботаники Георгъ Францъ Гофманъ. Онъ явился въ Россію уже извѣстнымъ ученымъ, спеціалистомъ по тайнобрачнымъ растеніямъ, авторомъ изящной книги „Германская флора“, и съ профессорскимъ титуломъ (22 лѣтъ отъ роду онъ сдѣ-

---

[59]) Библіографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, ч. I, стр. 188—191; К. Военскій, Московскій Университетъ и С.-Петербургскій учебный округъ въ 1812 году стр. 16. Спб. 1812 г.

лался экстраординарнымъ профессоромъ ботаники въ Эрлангенѣ). Въ Москвѣ онъ неутомимо продолжалъ свои ученые труды и скоро сталъ европейскою знаменитостью, членомъ многихъ ученыхъ обществъ Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, Голландіи и Россіи. Въ Москвѣ онъ развелъ къ 1812 году ботаническій садъ и составилъ его описаніе [60]). Въ такомъ же родѣ былъ и профессоръ химіи, докторъ медицины и хирургіи Фердинандъ Фридрихъ Рейссъ, превосходный знатокъ древнихъ языковъ, первый секретарь, впослѣдствіи президентъ физико-медицинскаго общества [61]). Но самую крупную фигуру изъ тогдашнихъ профессоровъ-нѣмцевъ представляетъ несомнѣнно профессоръ натуральной исторіи, директоръ музея натуральной исторіи и общества испытателей природы Григорій Ивановичъ Фишеръ-фонъ Вальдгеймъ. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ учился чуть не во всѣхъ университетахъ Германіи и въ Парижѣ, слушая тогдашнихъ знаменитостей Вернера, Фрейеслебена, Кювье въ сообществѣ съ знаменитымъ А. Гумбольдтомъ. На 27 году отъ роду онъ достигъ званія экстраординарнаго профессора естественной исторіи въ Майнцѣ, откуда и перешелъ въ Москву. Здѣсь онъ съ жаромъ принялся за описаніе ископаемыхъ животныхъ, насѣкомыхъ и минераловъ Россіи и скоро издалъ два крупныхъ труда, доставившихъ ему европейскую славу: „Энтомографія Россіи“ и „Орнктографія Московской губерніи“. Въ то же время онъ описалъ кабинетъ естественной исторіи и библіотеку П. Г. Демидова, составленные Демидовымъ во время путешествія по Европѣ. Описаніе это появилось въ печати въ 4 томахъ in 4^0 съ рисунками. Наиболѣе цѣнные предметы этого собранія, по ходатайству Фишера, пожертвованы были Демидовымъ для кабинета натуральной исторіи, составившагося въ университетѣ. Фишеру фонъ Вальдгеймъ принадлежала и иниціатива основанія въ Москвѣ общества испытателей природы, ближайшею цѣлью котораго было описаніе Московской губерніи и Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи [62])—.Почтенными учеными были и Филиппъ Христіанъ Рейнгардтъ, профессоръ практической философіи, исторіи философіи и правъ естественнаго и народнаго, до приглашенія въ Москву состоявшій профессоромъ политической экономіи въ Кельнѣ, и Христіанъ Августовичъ Шлецеръ, преподававшій политическую экономію, напечатавшій „первое въ Россіи сочиненіе, дающее понятіе о государственномъ хозяйствѣ“, и рядъ трудовъ по государственному, международному и уголовному праву и исторіи, и профессоръ ветеринарной медицины Теобальдъ Реннеръ и др. [63]). Всѣхъ нѣмцевъ-профессоровъ къ 1812 году было 10 на 25 русскихъ.

Изъ этихъ 25 русскихъ 15 происходили изъ духовнаго званія. Но

---

[60]) Тамъ же, стр. 254—262.

[61]) Тамъ же, ч. II, стр. 329—340.

[62]) Біографическій словарь, ч. II, стр. 520—524.

[63]) Біографическій словарь, стр. 328—329, 348, 349, 627—630.

Г. И. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ.

попали они, за рѣдкими исключеніями, уже не прямо изъ схоластической бурсы, а пройдя университетскую гимназію и университетъ, овладѣвъ не только древними, но и новыми языками, усвоивъ научный методъ, а нѣкоторые и достаточно отполировавшись въ свѣтскомъ обществѣ. Большинство побывало даже за границею для усовершенствованія въ наукахъ и преподаваніи. Уступая въ познаніяхъ нѣмцамъ, они являлись при всемъ томъ ревностными и добросовѣстными работниками въ университетѣ, сообща и дружно съ ними дѣлали общее академическое дѣло. Наиболѣе видными изъ этихъ профессоровъ были Петръ Ивановичъ Страховъ, Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, изъ болѣе молодыхъ—Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій, Левъ Александровичъ Цвѣтаевъ, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій и Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ.

Петръ Ивановичъ Страховъ былъ сыномъ пономаря отъ церкви Іоанна Предтечи въ Кречетникахъ, происходившаго, впрочемъ, изъ дворянъ и ходившаго по сему случаю не въ подрясникѣ, а въ нѣмецкомъ платьѣ. Страховъ учился сначала въ разночинской гимназіи, а потомъ на философскомъ факультетѣ. Состоя домашнимъ учителемъ у проф. Роста, онъ выучился довольно свободно говорить и писать на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и поэтому по выходѣ изъ университета попалъ въ секретари къ куратору Хераскову, а черезъ него и пошелъ въ гору. Херасковъ ввелъ его въ аристократическій домъ князей Трубецкихъ, гдѣ собиралась вся знать Москвы, а также и интеллигенція—профессора, литераторы, художники и т. под. Въ этомъ кругу особенно уважались театральныя представленія. Молодой Страховъ, бывшій однимъ изъ лучшихъ актеровъ университетскаго театра, сдѣлался душою этихъ увеселеній и сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Трубецкихъ. Херасковъ продвинулъ его далѣе, — отправилъ въ 1785 году со своимъ племянникомъ за границу, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціальную командировку — осмотрѣть университеты и другія училища и выяснить, что полезнаго можно было бы позаимствовать для Россіи. Въ самый день отъѣзда молодыхъ людей за границу Херасковъ поздравилъ Страхова экстраординарнымъ профессоромъ. За границею Страховъ знакомился преимущественно съ лучшими знатоками древнихъ языковъ, обозрѣвалъ подробно предметы изящныхъ искусствъ и художествъ, изучалъ ихъ достоинства и красоты и вообще старался вполнѣ и достойно приготовиться къ предназначенію своему, къ профессорству краснорѣчія. Для этой спеціальности Страховъ имѣлъ всѣ внѣшнія и внутреннія данныя—статную фигуру, красивое лицо, пріятный голосъ, даръ слова и умѣнье владѣть рѣчью. Но неожиданно взамѣнъ краснорѣчія онъ попалъ на каѳедру опытной физики. Въ 1789 году умеръ профессоръ прикладной математики Ростъ. Каѳедру его раздѣлили: всѣ части прикладной математики отдали проф. Панкевичу, а опытную физику, какъ предметъ маловажный, поручили профессору краснорѣчія Страхову! Страховъ проявилъ на этой ка-

ѳедрѣ присущія ему дарованія: онъ увлекалъ своихъ слушателей простотой рѣчи, точностью и изяществомъ своего изложенія и ловкостью и чистотою демонстрацій. Онъ сталъ популярнѣйшимъ лекторомъ въ Москвѣ, котораго съѣзжалась слушать вся московская знать обоего пола. Надо сказать при этомъ, что, попавъ неожиданно на каѳедру физики, Страховъ добросовѣстно и неутомимо готовился по этому пред-

А. Антоницъ

мету, слѣдилъ за литературою, переводилъ лучшіе иностранные труды на русскій языкъ. Университету онъ отдавалъ всѣ свои силы. Назначенный инспекторомъ университетской гимназіи, онъ проявилъ себя прекраснымъ педагогомъ, лично зналъ каждаго ученика, и отъ его зоркаго и наблюдательнаго глаза не могла укрыться ни одна шалость, ни одинъ проступокъ. Избранный въ 1805 году ректоромъ, Страховъ проявилъ огромныя хозяйственно-административныя способности. Онъ

настоялъ на томъ, что бы не отдавали въ аренду университетскую типографію, и благодаря его заботливости и неусыпному надзору типографія въ первый же годъ дала 100 тысячъ рублей чистой прибыли университету. На эти деньги Страховъ поддержалъ академическую гимназію, которую его предшественникъ хотѣлъ было прикрыть по неимѣнію средствъ; для этой гимназіи Страховымъ выработано было и особое положеніе. Какъ человѣкъ умный и дѣловой, Страховъ пользовался большимъ авторитетомъ у своихъ коллегъ. Большинство не подписывало журнала совѣта прежде, чѣмъ подписывалъ ихъ Страховъ; дѣла, требовавшія обсужденія, откладывались до его прибытія [64]).

Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій былъ сынъ дворянина-священника Черниговской губерніи и учился сначала въ Кіевской духовной академіи, а затѣмъ, на иждивеніи Дружескаго ученаго Общества на философскомъ и медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета. Уже на студенческой скамьѣ онъ началъ заниматься литературною дѣятельностью и участвовалъ въ изданіи „Покоющагося Трудолюбца“. По окончаніи курса Антонскій произведенъ былъ въ баккалавры учительскаго института и сдѣланъ былъ репетиторомъ университетскихъ гимназистовъ, а затѣмъ преподавателемъ Благороднаго пансіона. Назначенный въ 1788 году адъюнктомъ по каѳедрѣ натуральной исторіи, онъ сейчасъ же привелъ въ порядокъ тогдашній музей натуральной исторіи и началъ издавать „Магазинъ Натуральной Исторіи, Физики и Химіи“; въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ успѣлъ издать 10 томовъ. Но больше всего силъ, вниманія и заботъ Антонскій сталъ удѣлять Благородному пансіону, инспекторомъ котораго онъ былъ назначенъ въ 1791 году. Благородный пансіонъ, въ которомъ получили свое образованіе и воспитаніе многія крупныя въ исторіи русской культуры и общественности имена, былъ всецѣло дѣтищемъ Антонскаго. Онъ написалъ для этого пансіона „Постановленіе“, или уставъ, издалъ хорошія учебныя пособія, создалъ весь его учебно-воспитательный строй, подобралъ для него лучшія преподавательскія силы. Вся будничная жизнь этого учебнаго заведенія протекала подъ его бдительнымъ надзоромъ и постояннымъ руководствомъ. Онъ же былъ обычно и организаторомъ школьныхъ развлеченій и торжествъ, т.-е. спектаклей, литературныхъ вечеровъ, актовъ и т. под. Антонскій сумѣлъ сдѣлать изъ Благороднаго пансіона такой нравственно уютный, теплый и свѣтлый школьный уголокъ, что всѣ учившіеся въ немъ всегда помнили добрымъ словомъ и пансіонъ, и его инспектора [65]). Антонскій отличался удивительнымъ умѣньемъ соединять и объединять людей, устраивать разныя общества, руководить ими. Сойдя со студенческой скамьи, онъ уже сдѣлался предсѣдателемъ собранія университет-

---

[64]) Біографическій словарь, ч. II, стр. 442—466.

[65]) См. Н. В. Сушковъ, Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ. Москва 1868.

скихъ питомцевъ. По примѣру этого собранія онъ учредилъ и при своемъ пансіонѣ собраніе питомцевъ, устраивавшее литературныя засѣданія и издававшее сборники: „Дѣтское Чтеніе для сердца и ума“, „Утренняя заря“, „Калліопа“. Наконецъ, въ 1811 году при его иниціативѣ и хлопотахъ открылось при Московскомъ университетѣ Общество любителей россійской словесности, избравшее его своимъ предсѣдателемъ. Антонскій нарочно сталъ устраивать засѣданія этого общества у себя въ Благородномъ пансіонѣ, чтобы дать возможность воспитанникамъ послушать литературныя новинки и бесѣды, лучшихъ чтецовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ лучшимъ Московскимъ обществомъ. На засѣданія съѣзжалась избранная публика, которую старшіе воспитаники, какъ хозяева должны были принимать, разсаживать и занимать разговорами. Организаціею этого общества, равно какъ и всѣми педагогическими трудами, Антонскій,— при всей скромности личныхъ научныхъ заслугъ,—несомнѣнно стяжалъ себѣ почетное имя въ исторіи Московскаго университета и русскаго просвѣщенія [66]).

Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій обучался въ Харьковскомъ коллегіумѣ, въ которомъ устроился было въ качествѣ преподавателя реторики. Но въ 1793 г. онъ поступилъ на медицинскій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ съ золотою медалью. Университеская служба его началась съ должности смотрителя музея натуральной исторіи; затѣмъ онъ былъ назначенъ адъюнктомъ естественной исторіи. Получивъ въ 1802 году степень доктора медицины, Двигубскій былъ отправленъ за границу для усовершенствованія познаній въ естественной исторіи, химіи и врачебномъ веществословіи и слушалъ лекціи въ Парижѣ, Геттингенѣ и Вѣнѣ. По возвращеніи онъ занялъ каѳедру технологіи Двигубскій былъ чрезвычайно плодовитымъ писателемъ и выпускалъ быстро одну книгу за другой, преимущественно разныя учебныя пособія и руководства [67]).

Левъ Александровичъ Цвѣтаевъ, окончивъ курсъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи, поступилъ въ университетъ и слушалъ лекціи по нравственно-политическому и словесному отдѣленіямъ. Удостоенный степени баккалавра, онъ въ 1801 году отправленъ былъ за границу и три года слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ Германіи и Франціи. Въ Геттингенѣ онъ получилъ степень доктора философіи, а въ Парижѣ—званіе члена Парижской академіи законодательства. Вернувшись въ Москву, онъ былъ назначенъ профессоромъ теоріи законовъ, а въ 1811 году—профессоромъ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ. Главнымъ и любимымъ его предметомъ было римское право [68]).

Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій изъ Кіевской академіи, гдѣ онъ

---

[66]) Біографическій словарь, ч. I, стр. 12—36.
[67]) Біографическій словарь, ч. I, стр. 290—294.
[68]) Біографическій словарь, ч. II, стр. 537—540.

учился сначала, перешелъ въ университеткую гимназію, а оттуда въ университетъ. Въ университетѣ онъ посвятилъ себя преимущественно изученію греческой и римской словесности подъ руководствомъ профессоровъ Маттеи, Мелльмана и Сохацкаго. Въ 1804 году онъ произведенъ былъ въ кандидаты, въ 1805 году въ магистры, а въ 1806 году въ доктора философіи и тогда же отправленъ былъ за границу вмѣстѣ съ Болдыревымъ, изучавшимъ восточные языки. Онъ пробылъ за границею три года, слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ, а по возвращеніи сталъ профессоромъ древней словесности. Съ Тимковскаго у насъ началось настоящее научное преподаваніе греческихъ и римскихъ классиковъ. Методы экзегезы и критики текста, пріобрѣтенные на изученіи классиковъ, Тимковскій примѣнилъ къ русской лѣтописи. Ему принадлежитъ честь перваго научнаго изданія такъ называемой Несторовой лѣтописи, сдѣланнаго имъ по порученію Общества исторіи и древностей россійскихъ.

Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ былъ сынъ бѣднаго Вологодскаго священника и учился сначала въ мѣстной семинаріи. Въ 1794 году онъ отправился въ университетъ и благодаря рекомендательному письму къ проф. Керестури нѣкоего Кирдана, у котораго онъ училъ дѣтей, принятъ былъ въ гимназію на казенное содержаніе, а оттуда перешелъ на медицинскій факультетъ. По окончаніи курса, состоя практикантомъ военнаго госпиталя, Мудровъ сблизился съ семьями директора университета Ивана Петровича Тургенева и профессора Харитона Андреевича Чеботарева. Мудровъ отмѣнно хорошо читалъ въ университетской церкви шестопсалміе, часы и апостолъ, чрезвычайно понравился этимъ Тургеневу и его супругѣ, которые и пригласили молодого врача къ себѣ въ домъ. У Чеботарева Мудровъ вылѣчилъ отъ оспы его единственную дочь и сталъ своимъ человѣкомъ въ семьѣ профессора (позже онъ женился на своей паціенткѣ). Тургеневъ и Чеботаревъ перезнакомили его со многими видными лицами—съ Н. И. Новиковымъ, сенаторомъ Лопухинымъ, почтъ-директоромъ Ключаревымъ и др., и Вологодскій поповичъ скоро сталъ свѣтскимъ человѣкомъ. Въ 1802 году Мудровъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми былъ отправленъ за границу и слушалъ лекціи медицинскихъ знаменитостей въ Берлинѣ, Геттингенѣ, Вѣнѣ, Парижѣ. Еще до возвращенія въ Москву онъ былъ удостоенъ степени доктора медины за присланную на латинскомъ языкѣ диссертацію и званія экстраординарнаго профессора. На возвратномъ пути онъ имѣлъ случай показать на практикѣ свои познанія. Въ военномъ госпиталѣ въ Вѣнѣ лежало 1200 больныхъ кровавымъ поносомъ солдатъ. Прикомандированный по Высочайшему повелѣнію къ этому госпиталю, Мудровъ произвелъ патолого-анатомическое изслѣдованіе кишекъ умершихъ больныхъ и примѣнилъ новые способы лѣченія, давшіе поразительные результаты. Съ 1808 года началась его преподавательская дѣятельность въ университетѣ въ качествѣ профессора гигіены, а затѣмъ профессора патологіи

и терапіи и директора клиническаго института. Здѣсь онъ ввелъ новый порядокъ составленія и веденія скорбныхъ листовъ, или исторіи болѣзней, для образца написалъ исторіи двухъ больныхъ и собственною рукою вписалъ въ красную, съ золотымъ обрѣзомъ и украшеніями, сафьянную книгу, назначенную имъ для исторіи болѣе замѣчательныхъ болѣзней. Къ 1812 году Мудровъ былъ уже первымъ медицинскимъ свѣтиломъ въ Москвѣ, пользовался огромною популярностью.

Итакъ къ 1812 году Московскій университетъ уже располагалъ значительными научными силами. Наличностью этихъ силъ объясняется тотъ фактъ, что скоро упрочились и начали плодотворно работать учрежденныя при университетѣ въ силу устава 1804 года ученыя общества. Успѣшнѣе другихъ дебютировало учрежденное 26 сентября 1804 года Общество испытателей природы, поставленное въ самую тѣсную связь съ каѳедрою и музеемъ натуральной исторіи при Московскомъ университетѣ. Уже въ 1807 году оно издало первый томъ своихъ трудовъ и въ воздаяніе своей полезной дѣятельности получило право именоваться Императорскимъ. Тогда же выдано было ему 5000 рублей изъ училищнаго капитала на издержки по описанію Московской губерніи въ топографическомъ, статистическомъ и естественно-научномъ отношеніяхъ. Наладилась и дѣятельность старѣйшаго ученаго общества — исторіи и древностей россійскихъ, открывшагося еще въ маѣ 1804 года. Въ 1811 году 21 января Общество получило новый уставъ и начало устраивать засѣданія, въ которыхъ читались разныя научныя сообщенія. Общество кромѣ того приступило къ изданію Лаврентьевской лѣтописи и другихъ древнѣйшихъ русскихъ „достопамятностей“. Дѣятельность его привлекла сочувствіе просвѣщенныхъ людей, и оно въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ по открытіи своихъ засѣданій получило 19226 рублей пожертвованій, собрало библіотеку изъ 2736 книгъ и 96 рукописей, обладало собраніемъ медалей и монетъ въ 458 экземплярахъ и имѣло нѣсколько старинныхъ и рѣдкихъ вещей[69]). По желанію неизвѣстнаго благотворителя, давшаго средства, оно имѣло великолѣпно убранную залу для засѣданій. Потолокъ и стѣны были расписаны картинами, простѣнки украшены зеркалами, полъ устланъ ковромъ, столъ покрытъ малиновымъ бархатомъ и снабженъ бронзовою съ позолотою чернильницею съ приборомъ; залу украшали бюсты Ломоносова и Хераскова[70]). — Съ 1805 года начало свою дѣятельность существующее по нынѣ физико-Медицинское общество, называвшееся тогда обществомъ соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ, подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго профессора анатоміи и хирургіи Франца Францовича Ке-

---

[69]) Н. А. Поповъ, Исторія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. 1, стр. 170, въ Чтеніяхъ, 1884 г., кн. 3.

[70]) Тамъ же, стр. 156—160.

рестури, а съ 1811 года — профессора повивальнаго искусства Михаила Вильгельмовича Рихтера. Въ 1811 году, какъ уже было сказано, открыло свои засѣданія Обществo любителей россійской словесности [71]).

Воспоминанія лицъ, знавшихъ тогдашнихъ профессоровъ Московскаго университета, рисуютъ ихъ людьми, преданными своему дѣлу и не особенно гонявшимися за благами сего міра. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно изъ нѣмцевъ и поповичей, вели крайне скромный образъ жизни, сохраняя вкусы и привычки среды, изъ которой вышли. Таковъ былъ, напр., профессоръ ботаники Георгъ Францъ Гофманъ. Поселившись въ идиллической обстановкѣ въ ботаническомъ саду, Гофманъ зажилъ тамъ жизнью того городка на Майнѣ—Маркбрейта, откуда онъ происходилъ. „Что касается до характера и частной жизни Гофмана,—говоритъ его біографъ,—то онъ слишкомъ мало заботился о благахъ фортуны; кругъ желаній его былъ ограниченъ и потому выполненъ: пользуясь славою ученаго, уважаемый друзьями и знакомыми, посреди милаго семейства онъ находилъ все свое счастье. Музыка, навсегда оставшаяся его любимымъ занятіемъ въ свободные часы, положила на его характеръ съ самаго младенчества какой-то піитическій оттѣнокъ: тихая веселость, безпечность, радушіе къ другимъ и самодовольствіе — поруки душевнаго покоя — были неизмѣнными спутниками его жизни, которая принесла много пользы наукѣ, а ему была наслажденіемъ и въ лѣтахъ преклонныхъ“ [72]).—Въ этомъ же родѣ, только съ русскими особенностями, былъ профессоръ прикладной механики Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ. Онъ какъ былъ, такъ и остался нѣжинскимъ поповичемъ. „Вѣчный холостякъ, онъ жилъ скромно и уединенно въ своей тѣсной квартирѣ у ограды церкви св. Георгія на Красной Горкѣ, въ деревянномъ домикѣ о трехъ окнахъ на улицу. Ему прислуживалъ старый солдатъ, который когда запьетъ, профессоръ самъ чистилъ себѣ платье и сапоги, готовилъ всегдашнее умѣренное кушанье—щи и кашу. Единственная роскошь, которую онъ дозволялъ себѣ, это былъ зеленый чай высшаго сорта, который онъ пилъ по многу и которымъ подчивалъ тѣхъ, кто былъ ему по нраву и по сердцу. Пристрастившись во дни студенчества къ выпивкѣ и табаку, Панкевичъ взялъ себя въ руки и пересталъ пить и курить; всѣмъ, оправдывавшимъ себя дурною привычкою, говорилъ: „есть привычка, есть и отвычка“. Свѣтская гостиная его не привлекала, и онъ почти никогда не показывался въ ней. Но за то его манила улица, площадь и рѣка. Въ часы прогулки онъ любилъ потолкаться на народныхъ гуляніяхъ, зрѣлищахъ и даже мѣстахъ казни,

---

[71]) Шевыревъ, Исторія Императорскаго Московскаго университета, стр. 349—353, 387, 388, 401—404.

[72]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, ч. 1, стр. 262.

посмотрѣть на разгрузку барокъ, при чемъ въ качествѣ спеціалиста давалъ мужикамъ полезные совѣты. Онъ никогда почти не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ во всякое время года. Только къ другу своему архимандриту Донского монастыря Виктору Антонскому ѣздилъ на извощикѣ, да и то, когда тотъ задорожится, покупалъ фунтъ каленыхъ орѣховъ и для сокращенія пути грызъ ихъ дорогою: это называлось у него ѣхать на орѣхахъ. Не имѣя ни съ кѣмъ переписки, онъ ни съ кѣмъ не кланялся, никому не дѣлалъ визитовъ“ [73]).—Таковъ же былъ профессоръ философіи и деканъ этико-политическаго отдѣленія Андрей Михайловичъ Брянцевъ. „Маленькій ростомъ и неуклюжій старый холостякъ, носилъ длинную косу и старомодный кафтанъ съ большими пуговицами; онъ ни съ кѣмъ не переписывался, не дѣлалъ форменныхъ визитовъ. Послѣ ученыхъ трудовъ проходилъ ежедневно извѣстное пространство отъ университетской квартиры до города, а по праздникамъ его всегда можно было видѣть съ его другомъ Страховымъ у лѣваго клироса въ Успенскомъ соборѣ. Всю жизнь онъ не переставалъ учиться и штудировать произведенія философовъ Англіи, Франціи и Германіи [74]).—Въ другомъ нѣсколько родѣ, но также весьма характерною личностью, былъ деканъ медицинскаго факультета, профессоръ патологіи и терапіи Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ. Его отецъ, священникъ Вологодскаго дѣвичьяго монастыря, былъ безсребренникомъ, который нерѣдко раздавалъ всѣ свои деньги прохожимъ богомольцамъ, а самъ съ семьею терпѣлъ большую нужду. Провожая своего сына въ университетъ, онъ подарилъ ему на дорогу чайную чашку съ отбитою ручкою на тотъ случай, если на дорогѣ захочется ему напиться изъ ручья, 25 коп. мѣдныхъ денегъ и далъ такое наставленіе: „Ступай, учись, служи, сохраняй во всемъ порядокъ, quoniam ordo est cardo omnium rerum (священникъ былъ большой знатокъ греческаго, латинскаго и еврейскаго языковъ); помни бѣдность и бѣдныхъ, такъ и не позабудешь насъ, отца съ матерью, и утѣшишь какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни“. Мудровъ принялъ къ сердцу это отцовское наставленіе. Ставъ первымъ врачомъ въ Москвѣ, пріобрѣтя огромную практику, Мудровъ не сдѣлался стяжателемъ. Къ нему имѣли свободный доступъ всѣ,—и богатые и бѣдные; и посѣщалъ онъ одинаково и богатыхъ, и бѣдныхъ. Съ бѣдныхъ онъ не только не бралъ гонорара, но даже ссужалъ ихъ нерѣдко деньгами на чай, вино и лѣкарства. Помогалъ онъ и студентамъ медикамъ, которые обращались къ нему за помощью. Домъ его былъ полонъ разными воспитанниками, родственниками и старыми друзьями, жившими на его иждивеніи. Случайно онъ встрѣтилъ на улицѣ женщину, продававшую толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ. Книга оказалась латинскимъ ле-

---

[73]) Москвитянинъ 1851, № 9—10, стр. 18—20 (воспоминанія И. Ѳ. Тимковскаго); Русскій Архивъ 1866, стр. 747—748 (воспоминанія И. М. Снегирева).

[74]) Русскій Архивъ 1866, стр. 745.

ксикономъ Калепина, переведеннымъ на славяно-русскій языкъ и начисто переписаннымъ трудами недостойнаго во іереяхъ Іакова Іоаннова Мудрова, т. е. его отца, а женщина золовкою сестры Мудрова. Мудровъ не только купилъ книгу, но и взялъ женщину къ себѣ въ домъ, обучилъ ее повивальному искусству, и она прожила у него до смерти". Позже, въ Нижнемъ, онъ взялъ къ себѣ въ домъ двухъ сиротъ, дочерей своего покойнаго учителя, профессора Ѳомы Ивановича Барсукъ-Моисеева, и озаботился о пристойномъ ихъ воспитаніи; также принялъ къ себѣ и воспиталъ сиротъ, сына и дочь своего товарища по студенчеству профессора Ивана Ѳедоровича Венсовича и т. д. Мудровъ и внѣшнимъ образомъ чтилъ память своихъ родителей. Старую чайную чашку своего отца, которую онъ нечаянно разбилъ на дорогѣ, онъ отдалъ въ Парижѣ одному мастеру, который ее склеилъ, поддѣлалъ подъ нее красивый бронзовый четыреножникъ и покрылъ бронзовою крышкою. Каждое утро и вечеръ, помолясь Богу, Мудровъ цѣловалъ ее вмѣсто руки родительской. Отцовскій лексиконъ онъ держалъ въ шелковой оберткѣ, въ дни горести и кручины вынималъ его, раскрывалъ, цѣловалъ, разсматривалъ, дивился учености и трудолюбію отца. Такимъ путемъ прогонялъ свою скорбь. Получая много денегъ, несмотря на отсутствіе таксы, Мудровъ не устроилъ для себя палаццо, не завелъ никакой роскоши. „Былъ онъ, — говоритъ его біографъ,—во всемъ умѣренъ, не прихотливъ, могъ довольствоваться малымъ, даже любилъ простое кушанье, и вообще во всемъ простоту; въ его домѣ пріемныя комнаты были обиты простыми липовыми досками; въ его кабинетѣ, въ которомъ онъ трудился и отдыхалъ, деревянныя съ конопаткою стѣны были ничѣмъ не закрыты, ни обоями ни штукатуркою; вмѣсто фортки было особое волоковое окошко: все это ему было по сердцу, потому что, хотя нѣсколько, напоминало прежній бытъ его дѣтства и молодость, простую избушку родительскую. Его завтракъ былъ чашка чаю, либо какой-нибудь душистой травки, чаще же листу черной смородины, и пятаковая просвира, которымъ у него не было переводу: бѣдные больные ими отплачивали за его пособія и посѣщенія. Затѣмъ другой завтракъ гдѣ-нибудь у знакомыхъ, или дома обѣдъ не нарядный, но пристойный, потому лишь, что самъ онъ былъ хозяинъ—хлѣбосолъ, любилъ, когда у него обѣдывали посторонніе люди, и скучалъ, когда видѣлъ за столомъ одно лишь свое семейство" [75]).

Конечно, тогдашніе профессоры и преподаватели Московскаго университета не были какими либо идеальными людьми. И у нихъ были свои недостатки, свои слабости, между прочимъ, слабость до чиновъ, орденовъ и внѣшнихъ отличій. Но въ общемъ несомнѣнно, это были люди повышеннаго житейскаго настроенія, съ развитымъ

---

[75]) Біографическій словарь, ч. II, стр. 114—139.

чувствомъ служебнаго и нравственнаго долга, съ идеалистическимъ складомъ чувствъ и понятій, которыя ставили ихъ выше мелочей и условностей жизни. Воспоминанія тогдашнихъ студентовъ согласно устанавливаютъ, что профессоры и преподаватели университета пользовались большимъ авторитетомъ и уваженіемъ у учащейся молодежи.

Вотъ, напр., что говоритъ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, гимназистъ 1803—1807 г. и студентъ 1807—1810 года, впослѣдствіи извѣстный археологъ Москвы, о Харитонѣ Андреевичѣ Чеботаревѣ, „почтенномъ и сановномъ старцѣ, другѣ Новикова, товарищѣ Потемкина“, ученомъ, котораго самъ Шлецеръ назвалъ своимъ руководителемъ въ русской исторіи. „Каково же было мое удивленіе, когда я встрѣтилъ его въ классахъ: въ одномъ нижнемъ платьѣ и въ короткомъ плащѣ безъ воротника, съ Аннинскимъ орденомъ на шеѣ, съ плюмажною шляпою на головѣ и съ тростью въ рукѣ. Онъ не носилъ ни пуклей, ни косы, не пудрился, голова у него была гладко острижена; въ поставѣ и походкѣ его выражалась самоувѣренность. Обхожденіе его могло показаться грубымъ, если бы оно не было выраженіемъ добродушія; почти всѣхъ онъ называлъ по имени, а не по отечеству, говорилъ отрывисто; но когда былъ въ ударѣ, рѣчь лилась рѣкой. Новое поколѣніе едва ли повѣритъ, что никто, при видѣ Харитона Андреевича, не смѣлъ улыбаться, а тѣмъ паче засмѣяться и зашикать“ [76]). Большимъ уваженіемъ пользовались за свои познанія, простоту и честность Панкевичъ и Брянцевъ. Но въ особенности импонировалъ Петръ Ивановичъ Страховъ. „Признаюсь,—пишетъ про него И. М. Снегиревъ,—я рѣдко видалъ такого статнаго безъ принужденія, величаваго безъ напыщенности, красиваго безъ притязанія и вѣжливаго безъ манерности, какъ этотъ истинно почтенный и благородный мужъ. Самый видъ его внушалъ невольно къ нему уваженіе. Скажу безъ преувеличенія, въ управленіи своемъ не нужно было прибѣгать ему къ наказанію, угрозамъ и брани; все дѣлалось по его распоряженію и въ точности, не изъ страха, а изъ опасенія огорчить его. Изъ этого можно заключить, какъ его уважали и любили... Послѣ лекцій изъ аудиторіи до квартиры провожали его толпы слушателей, которые и дорогой получали его объясненія на свои вопросы и недоумѣнія. Такіе переходы представляли нѣчто торжественное. Какъ просвѣщенный любитель изящныхъ искусствъ, Страховъ завелъ въ университетѣ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ его питомцевъ. Въ воскресные дни дворъ его былъ полонъ каретъ и колясокъ, а церковь тѣсна для многочисленныхъ посѣтителей. Стройное, изящное и одушевленное пѣніе приводило въ благоговѣйный восторгъ. Современники не могутъ забыть Корецкаго, Кошанскаго, Редласа. Въ вакаціонное время, въ классахъ

---

[76]) Русскій Архивъ 1866, стр. 1.

устроенъ былъ, при содѣйствіи Страхова, театръ, на коемъ играны были питомцами комедіи и оперы. Здѣсь проявились блистательные таланты, которыми любовались спеціалисты въ этомъ, — братья Сандуновы. Восхищалась своя и посторонняя публика, такъ что не доставало мѣста для желающихъ“ [77]). Такою же теплотою наполнены отзывы Снегирева и о другихъ профессорахъ — Сохацкомъ, Маттеи, Михаилѣ Трофимовичѣ Каченовскомъ, Ѳедорѣ Григорьевичѣ Баузе. Послѣдній замѣчателенъ былъ, между прочимъ, какъ собиратель и знатокъ русскихъ древностей, рукописей, старопечатныхъ книгъ, монетъ. „Мнѣ случалось,—пишетъ Снегиревъ,—видѣть почтеннаго профессора съ своимъ Анненскимъ орденомъ на шеѣ на толкучкѣ между букинистами, покупающимъ и торгующимъ старыя книги и вещи. Съ какою дѣтскою радостью и восторгомъ показывалъ онъ мнѣ, предъ нимъ мальчику, купленную имъ рѣдкость!“ Послѣ тридцатилѣтнихъ стараній онъ успѣлъ составить единственное въ своемъ родѣ собраніе русскихъ древностей. По смерти его (25 мая 1812 года) Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ хотѣло купить коллекцію Баузе, но покупка почему-то не состоялась, и коллекція частью погибла при нашествіи французовъ, частью разошлась по рукамъ [78]).

Такіе люди, какъ вышеописанные, въ концѣ концовъ такъ или иначе справлялись съ труднымъ дѣломъ воспитанія и обученія тогдашней молодежи. Тогдашняя молодежь не отличалась претенціозностью, но за то склонна была къ озорству и шалостямъ. Иванъ Михайловичъ Снегиревъ нарисовалъ намъ яркія картинки изъ быта университетской гимназіи, дающія ясное представленіе, съ какими юнцами приходилось тогда имѣть дѣло. „Въ гимназіи первымъ моимъ учителемъ, — пишетъ онъ, — былъ старикъ французъ Лере, который... заставлялъ насъ твердить наизусть вокабулы и разговоры, коверкая русскія слова. Кто не твердо выучивалъ урокъ, или шалилъ въ классѣ, тому давалась въ лобъ кокура; чтобы избавиться отъ наказанія, оставлявшаго шишки на лбу, ученики выдумывали разныя извѣстія, напр. „Слышали ль вы, г. Лере, что французы русскихъ побили? — А гдѣ вы это читали? — Кто скажетъ въ Рязанскихъ, кто въ Тульскихъ газетахъ!—А для чего нѣтъ этого въ Московскихъ?—Нарочно, мусье, скрываютъ, стыдно вѣдь нашимъ“. И простосердечный французъ былъ очень доволенъ этимъ и не спрашивалъ урока у нувеллистовъ. Зимой онъ сиживалъ на стулѣ въ шубѣ, спустя ея рукава, да и жилъ онъ, и училъ, какъ говорится, „спустя рукава“. Ученики, стоя позади него, ножичкомъ распарывали ему по швамъ шубу. Лере вскакивалъ со стула, бѣсился, кидался на учениковъ съ кокурами; но мальчики разбѣгались“.—„Первый классъ русской грамматики и ариѳметики зани-

---

[77]) Русскій Архивъ 1866, стр. 745, 746.

[78]) Тамъ же, стр. 755, 756; Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета ч. 1, стр. 81.

малъ Сивковъ, сухопарый суровый старикъ, высокаго роста, съ длинною косою и въ черномъ фракѣ; онъ безпрестанно моргалъ глазами. Хотя боялись его палей и розогъ, на которые онъ не скупился, но изъ коридора въ двери то и дѣло ему кричали чужаки (такъ назывались тогда приходившіе изъ другихъ классовъ): сивка бурка, вѣщая каурка. Этихъ шалуновъ запыхаясь онъ ловилъ: кого поймаетъ, тому жутко доставалось; велитъ сторожамъ растянуть виноватаго на скамейкѣ и такъ отпоретъ, что небу жарко, или вздуетъ палями ладони, или поставитъ на колѣни на горохъ". Но все это не унимало шалуновъ, которые и на провожаньѣ его по лѣстницѣ, кричали ненавистный для бѣднаго Сивкова возгласъ: сивка бурка, и умолкали только при появленіи дежурнаго офицера или инспектора". — Страдалъ отъ шалуновъ и Иванъ Ивановичъ Дмитревскій, знатокъ греческаго языка, богословъ и археологъ, но человѣкъ слабый и странный. „Онъ сохранилъ типъ семинариста; средняго роста съ старомодною прическою и длинною косою, носилъ тафтяный кафтанъ, весь масляный отъ блиновъ, которые любилъ поѣсть, штаны съ мѣдными шлифными пряжками, неуклюжіе башмаки съ заплатами. Случалось, что, снявъ со столовъ доски и на обратной ихъ сторонѣ намалевавъ чернилами и мѣломъ чертей, которыхъ Иванъ Ивановичъ очень боялся, разставляли ихъ по стѣнкамъ, и сдѣлавъ изъ бумаги рядъ свѣчей, къ нимъ прилѣпливали. Такое позорище пугало его и онъ приказывалъ нести на показъ инспектору Страхову. Весь классъ несъ чрезъ дворъ изъ одного флигеля въ другой такія доски съ пѣніемъ, въ предшествіи учителя, котораго шляпу несли на подушкѣ. Благоразумный и благородный Петръ Ивановичъ, сдѣлавъ скромное замѣчаніе учителю, а ученикамъ выговоръ, отсылалъ всю процессію назадъ; потому что въ этомъ находилъ ни бунтъ и мятежъ, но ребяческую шалость и учительскую слабость".—У учителя исторіи и географіи Михаила Григорьевича Падерина въ классѣ нерѣдко производилась экзекуція, а въ коридорахъ атака на него: стучали въ двери, подкидывали полѣнья и т. п. Толстенькій и низенькій старичокъ съ палкою въ рукахъ гонялся за дерзкими шалунами по коридору: когда кого поймаетъ, то жутко доставалось ушамъ и ладонямъ". „Лѣтнею порою, когда открывались окна въ классахъ и ученическихъ комнатахъ, часто и по долгу слышались стоны и болѣзненные крики: по субботамъ была расправа съ лѣнивцами, шалунами и нарушителями порядка, которые не скоро забывали это отеческое исправленіе. Въ духѣ того времени такія мѣры употреблялъ эфоръ казенныхъ учениковъ Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, человѣкъ впрочемъ по своимъ познаніямъ и трудамъ почтенный" [79]).

Само собою разумѣется, что такіе шалуны, надѣвъ студенческій мундиръ, трехуголку и шпагу, не могли сразу превратиться въ воспитанныхъ юношей. Университетскій уставъ 1804 года считался съ

---

79) Русскій Архивъ 1866, стр. 737—742.

этимъ обстоятельствомъ, и потому въ него внесенъ былъ рядъ статей, касающихся поведенія студентовъ и надзора за ними. Общее собраніе университета избираетъ инспектора казенныхъ студентовъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Этотъ инспекторъ есть блюститель порядка и благочинія сего общества, т. е. казенныхъ студентовъ. Онъ посѣщаетъ ихъ покои, нерадивыхъ увѣщаніями привлекаетъ къ должности и старается возбудить прилежаніе къ ученію. Изъ числа кандидатовъ или магистровъ совѣтъ избираетъ инспектору двухъ помощниковъ, которые должны жить вмѣстѣ со студентами и имѣть съ ними общій столъ. Они имѣютъ смотрѣніе за поведеніемъ студентовъ, за употребленіемъ времени внѣ классовъ и за всѣмъ, что относится къ порядку и устройству въ комнатахъ, подаютъ инспектору ежемѣсячно вѣдомость о поведеніи ввѣренныхъ каждому воспитанниковъ; о дерзостяхъ же и соблазнительныхъ поступкахъ доносятъ немедленно инспектору, который либо самъ принимаетъ надлежащія мѣры, либо относится къ директору, а самое дѣяніе или поступокъ вноситъ въ особую книгу, представляя ее совѣту при годовомъ испытаніи студента (статьи 115, 116, 121). Но само собою разумѣется, что не столько эти внѣшнія мѣры, сколько нравственное воздѣйствіе профессоровъ превращало прежнихъ озорниковъ въ серьезныхъ студентовъ. Надо сказать, что даже тѣ самые гимназисты, которые проявляли такую разнузданность на урокахъ Лере, Сивкова, Падерина, сидѣли тише воды, ниже травы на урокахъ учителя русской грамматики Кичеева, несмотря на то, что онъ не прибѣгалъ ни къ палямъ, ни къ розгамъ. Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, молодой человѣкъ, но большой знатокъ греческаго и латинскаго языка, строгій исполнитель своей обязанности, искусный преподаватель, умѣлъ внушать ученикамъ такое уваженіе и привязанность къ себѣ, что его слушали съ какимъ-то подобострастіемъ, ловили всякое его слово [80]). Въ университетскихъ аудиторіяхъ такихъ людей, какъ Тимковскій, было уже довольное число. Помимо авторитета учености, увлекательности преподаванія они вносили въ свои отношенія къ студентамъ прямоту, искренность и естественность, чѣмъ въ концѣ концовъ и достигались поставленныя имъ цѣли.

Таково было внутреннее состояніе Московскаго университета въ тотъ самый моментъ, когда его постигъ разгромъ 1812 года, разстроившій на время его установившуюся жизнь и повлекшій за собою нѣкоторыя важныя для него послѣдствія.

Второго іюля 1812 года состоялся обычный университетскій актъ, на которомъ проф. Реннеръ прочиталъ рѣчь на латинскомъ языкѣ De clementia in animalia domestica multos corum morbos advertente, а проф. Н. Е. Грузиновъ прочиталъ „Слово о новооткрытомъ мѣстѣ происхожденія голоса въ человѣкѣ и друг. животныхъ“ [81]). На этомъ

80) Русскій Архивъ 1866, стр. 740, 741.

81) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Москов. Университета, бывшемъ 2 іюля 1812 г. Москва 1812 in. 4°.

же актѣ произведены были въ студенты восемь казенныхъ учениковъ академической гимназіи [82]), двое питомцевъ воспитательныхъ домовъ [83]) пятеро своекоштныхъ учениковъ [84]) и одинъ слушатель университетскихъ лекцій, экзаменовавшійся въ гимназическихъ высшихъ классахъ [85]). Наступило вакаціонное время, и часть учениковъ и студентовъ (своекоштные) разъѣхались по домамъ. Но часть осталась въ Москвѣ въ университетскомъ интернатѣ. Этой молодежи предстояло убивать время повтореніемъ пройденнаго, чтеніемъ, занятіями искусствами и военными экзерциціями, а также загородными прогулками, музыкально-литературными вечерами, спектаклями. Профессора и преподаватели оставались всѣ въ Москвѣ. Въ то время не было обычая уѣзжать на дачи, въ деревню или за границу, и профессора готовились къ слѣдующему академическому году въ Москвѣ. Но на этотъ разъ ни учащимъ, ни учащимся не пришлось увидать этого „академическаго“ года.—Онъ выпалъ совершенно изъ жизни Московскаго университета...

Не прошло и двухъ недѣль со дня университетскаго акта, какъ Москва охвачена была военною тревогою. Двѣнадцатаго іюля прибылъ въ Москву государь, 15-го состоялся Высочайшій пріемъ въ Слободскомъ дворцѣ, на которомъ сословія изъявили готовность принести жертвы для отраженія наступавшаго врага. Московскій университетъ не отсталъ отъ другихъ учрежденій и сословій въ патріотическомъ усердіи. Его „чиновники“ подписали значительныя суммы денегъ на военныя нужды: проф. Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ – 666 руб. 66½ коп., Христ. Егор. Рейнгардтъ—столько же, Антонъ Ант. Прокоповичъ-Антонскій—500 р., Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ—1000 р., Вильгельмъ Мих. Рихтеръ—500 р. и т. д.—всего 6013 р. 33 к. Часть изъявила желаніе жертвовать по третямъ все время, пока будетъ продолжаться война: попечитель Голенищевъ-Кутузовъ половину жалованья (1500 руб.), ректоръ Геймъ—300 р., проф. Илья Егоровичъ Грузиновъ 300 р., проф. Реннеръ 1000 р. и т. д.—всего 4187 р. [86]).

Съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ тревога населенія не только не улегалась, но превращалась въ настоящую панику. Начался массовый отъѣздъ состоятельныхъ жителей изъ Москвы. Приходилось и властямъ подумать о спасеніи казеннаго имущества. 18 августа глав-

---

82) Александръ Александровъ, Павелъ Серафимовъ, Петръ Полуярославцевъ, Василій Хромцовъ, Алексѣй Шмаковъ, Ѳедоръ Фоглеръ, Илья Тверитиновъ, Михайло Буровъ.

83) Алексѣй и Иванъ Петровы.

84) Петръ Ростъ, Иванъ Черновъ, Сергѣй Пучковъ, Алексѣй Татарчуковъ и Иванъ Кондорской.

85) Александръ Бѣхтѣевъ. Дѣла Попечит. канцеляріи 1813, № 65.

86) В. Р. Апухтинъ, Сердце Россіи, Первопрестольная Столица Москва и Московская губ. въ отечественную войну, стр. 33, 34. Москва 1812. Деньги эти не были внесены немедленно, а затѣмъ, вслѣдствіе разоренія, постигшаго университетскихъ служащихъ, сложены съ нихъ совсѣмъ. Дѣло Правленія 1813 г., № 82; Попечит. Канцеляріи 1814 г., № 84.

нокомандующій Москвы графъ Ѳ. В. Ростопчинъ предложилъ попечителю П. И. Кутузову „приказать находящіяся въ вѣдомствѣ Императорскаго Московскаго Университета денежную казну, вещи, дѣла и бумаги укладывать и приготовлять къ свозу, буде бы надобность того востребовала“. Попечитель въ тотъ же день сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, и въ тотъ же день состоялось засѣданіе совѣта Университета, на коемъ избранъ былъ особый комитетъ изъ профессоровъ всѣхъ отдѣленій для исполненія предписанія начальства. Въ томъ же засѣданіи прочитано было отношеніе главнокомандующаго о назначеніи трехъ изъ своекоштныхъ или казенныхъ студентовъ, удостоенныхъ лѣкарскаго званія, и одного доктора—для опредѣленія въ дивизію московской военной силы. Въ качествѣ доктора вызвался ѣхать проф. И. Е. Грузиновъ, а лѣкаремъ лѣкарь Рябчиковъ, для замѣщенія двухъ лѣкарскихъ вакансій профессоры медицинскаго отдѣленія рекомендовали кандидата Романовскаго и студента Ризенко, окончившихъ уже весь кругъ врачебныхъ наукъ, вслѣдствіе чего Совѣтъ предписалъ медицинскому отдѣленію немедленно произвести имъ лѣкарскій экзаменъ [87]).

Попечитель Московскаго Университета П. И. Голенищевъ-Кутузовъ намѣревался перевести университетъ въ Ярославль и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ представленіе Министру Народнаго Просвѣщенія. Онъ указывалъ въ этомъ представленіи на обширность гимназическаго дома въ Ярославлѣ и на то, что университетъ можно соединить съ Демидовскимъ училищемъ и продолжать „учебныя упражненія“. Но планъ попечителя не осуществился... [88]).

Двадцать второго августа главнокомандующій извѣстилъ попечителя, что „къ отправленію приготовлять слѣдуетъ самыя только дорогія и значущія вещи, а прочія оставить до времени, такъ какъ и воспитанниковъ, коихъ отправить будетъ можно послѣ“.

На слѣдующій день главнокомандующій указалъ, что казенныя вещи и важнѣйшія бумаги университета должны быть отправлены въ Нижній Новгородъ.

Пока Университетъ собирался исполнить это предписаніе, произошла Бородинская битва и отступленіе русской арміи къ Москвѣ.

Москва готовилась стать мѣстомъ новаго и при томъ ожесточеннаго боя съ врагомъ. Мѣшкать далѣе уже не было возможности. 29 августа главнокомандующій словесно объявилъ попечителю, чтобы онъ немедленно отправилъ ректора, кассира, казну и казенныхъ студентовъ въ Нижній, а домъ университетскій и оставшіяся въ немъ вещи препоручилъ надзору полиціи [89]).

---

87) К. Военскій, Московскій Университетъ и С.-Петербургскій Учебный Округъ въ 1812 г., № стр. 6—9.

88) Тамъ же, стр. 15, 17, 19.

89) Тамъ же, стр. 17, 19, 23.

Такъ, всего какая-нибудь недѣля употреблена была университетомъ на сборъ въ дорогу.

По недостатку времени, Университетъ конечно не могъ должнымъ образомъ снарядиться въ дорогу. „Трудно описать—говоритъ бывшій тогда университетскимъ архиваріусомъ И. М. Снегиревъ, — суматоху и тревогу въ Москвѣ, которая представляла изъ себя позорище какого-то переселенія: всѣ суетились, хлопотали, одни все зарывали въ землю или опускали въ колодцы свои драгоцѣнности или прятали ихъ въ потайныя мѣста въ домахъ; другіе собирались выѣхать изъ Москвы, не зная еще куда безопаснѣе укрыться отъ враговъ; иные оставались на своихъ мѣстахъ, запасались въ арсеналѣ оружіемъ или, въ упованіи на Божію помощь, молились.... Разнеслась молва, что непріятели не будутъ касаться казенныхъ мѣстъ. Батюшка (профессоръ церковной исторіи и философіи) все свое, для него дорогое, имущество въ сундукахъ свезъ въ кладовую бывшаго на Тверской университетскаго благороднаго пансіона, а ключи взялъ съ собою [90]). Подобнымъ же образомъ поступили и университетскія власти съ казеннымъ имуществомъ. Въ нижній полуподвальный этажъ главнаго корпуса подъ сводами снесены были архивъ, библіотека, разныя коллекціи, матрицы и пунсоны изъ университетской типографіи и мѣдныя деньги, 5000 руб., предназначенныя для уплаты за бумагу купцу Губину. Двери этихъ помѣщеній были замурованы кирпичами [91]). На подводы, присланныя Растопчинымъ, уложены были дѣла Совѣта, Правленія и небольшая часть библіотеки (все это только на трехъ подводахъ); директоръ музея натуральной исторіи Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ успѣлъ уложить рѣдкіе штуфы, драгоцѣнные камни, раковины и полипы, искусственно сдѣланные камни, янтарныя мозаики, жемчужныя издѣлія, сибирскія древности, монеты и медали; проф. физики Страховъ уложилъ на двѣ предоставленныя ему обыкновенныя подводы „самонужнѣйшія машины, снаряды и инструменты (между прочимъ приготовлена была къ вывозу, но забыта большая электрическая машина со стекляннымъ колесомъ въ 4 фута въ діаметрѣ) [92]); уложены были сосуды, крестъ и евангеліе изъ университетской церкви, столовое серебро университета и благороднаго пансіона [93]). Всѣ эти вещи вмѣстѣ съ имуществомъ губернской гимназіи и отправлены были на 52 подводахъ 30 августа [94]) въ Нижній-Новгородъ подъ присмотромъ профессора россійской словесности Матвѣя Гавриловича Гаврилова и декана словеснаго факультета Нико-

---

90) Русскій Архивъ 1866, стр. 541.

91) Письмо Кутузова къ министру Разумовскому отъ 14 ноября 1862 г. Семейство Разумовскихъ, ч. II, стр. 385, 386. К. Военскій, op. cit стр. 79—82.

92) Біографическій словарь, ч. II, стр. 464, 524; Указатель Императорскаго Московскаго Университета 1826, стр. 41, 51, 52, 80—82.

93) К. Военскій, op. cit., стр. 24, 38.

94) Дѣло Правленія 1813 г., № 123, К. Военскій, op. cit., стр. 83.

лая Евтропіевича Черепанова, профессора Фишера фонъ-Вальдгейма [95]). Всѣхъ ящиковъ отправлено было 54. Съ этимъ транспортомъ отправились семьи названныхъ профессоровъ и проф. чистой математики Тимоѳей Ивановичъ Перелоговъ. — За этимъ транспортомъ поѣхалъ туда же 1 сентября на 30 подводахъ ректоръ Иванъ Андреевичъ Геймъ съ университетскою казною, 39 студентами и гимназистами[96]).Профессора сначала колебались ѣхать, а нѣкоторые, какъ напр., Петръ Ивановичъ Страховъ хотѣли было даже оставаться въ Москвѣ. Но когда пріѣхалъ въ Москву проф. И. Е. Грузиновъ, бывшій корпуснымъ врачомъ при Московскомъ ополченіи, и ознакомилъ своихъ коллегъ съ положеніемъ, стали выѣзжать поспѣшно и профессора. Въ Нижній вслѣдъ за ректоромъ отправились П. И. Страховъ, деканъ этико-политическаго отдѣленія Андрей Михайловичъ Брянцевъ, профессоръ практической философіи и исторіи философіи, правъ естественнаго и народнаго Христіанъ Егоровичъ Рейнгардтъ съ семьею, деканъ медицинскаго факультета Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ [97]).

Часть разъѣхалась по другимъ мѣстамъ. Такъ, профессоръ медицины и хирургіи Ѳедоръ Андреевичъ Гильтебрантъ въ самый день вступленія французовъ въ Москву выбылъ во Владиміръ съ обозомъ раненыхъ солдатъ, находившихся на его попеченіи [98]). Проф. философіи и церковной исторіи Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ отправился съ своимъ сыномъ Иваномъ, тогда архиваріусомъ университета, въ Александровъ. При этомъ Ивану Михаиловичу Снегиреву удалось спасти протоколы университета за первые годы, и онъ подарилъ впослѣдствіи собраніе ихъ въ XV томахъ въ университетскую библіотеку [99]); Р. Ѳ. Тимковскій уѣхалъ къ себѣ на родину въ Полтавскую губернію[100]). Профессоръ Цвѣтаевъ, адъюнктъ Болдыревъ, кандидатъ Давыдовъ, Миллеръ и Гавриловъ уѣхали въ Казань вмѣстѣ съ Екатерининскимъ училищемъ и Александровскимъ институтомъ, въ которыхъ они состояли преподавателями [101]). Профессоръ Антонскій-Прокоповичъ съ 12 воспитанниками благороднаго пансіона уѣхалъ въ г. Балахну [102]) и т. д.

Опустѣвшій университетъ остался на попеченіи экзекутора Артемьева, его помощника, смотрителя музея и команды инвалидовъ. Кромѣ того, не поѣхали въ Нижній профессоръ-юристъ Христіанъ

---

95) В. О. Эйнгорнъ, Московскій университетъ, губернская гимназія и другія учебныя заведенія Москвы въ 1812 г. вып. II, стр. 16.

96) К. Военскій, op. cit., стр. 26, 27, 31.

97) Біографическій словарь, ч. I, стр. 111, 171, 274, ч. II, стр. 124, 329, 464, —465.

98) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, ч. 1, стр. 201.

99) Русскій Архивъ 1866, стр. 541.

100) Н. А. Поповъ, Московскій университетъ послѣ 1812 г.,въ Русск.Архивѣ 1881, кн. 1, стр. 390.

101) Дѣло Правленія 1813 г. № 89.

102) К. Военскій, op. cit, стр. 51, 55, 56.

Штельцеръ и лекторъ французскаго языка проф. Ф. Р. Виллерсъ. Изъ донесенія Штельцера министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому мы узнаемъ, что происходило въ нашемъ университетѣ послѣ входа въ Москву французовъ.

Часа черезъ два послѣ вступленія французскаго войска въ Москву, явился въ университетъ государственный министръ графъ Дарю въ сопровожденіи генералъ-интенданта Дюмара. Встрѣтивъ тамъ Штельцера, Дарю сказалъ ему льстивое привѣтствіе, заявилъ, что Штельцеръ уже извѣстенъ ему, какъ ученый, черезъ великаго герцога Франкфуртскаго, и что онъ радъ съ нимъ познакомиться. Затѣмъ сталъ распрашивать его объ университетѣ, и между прочимъ о томъ, обучаются-ли въ немъ французскіе уроженцы. Штельцеръ выпросилъ у Дарю охрану для университета (sauve-garde), и на другое утро въ университетъ явился французскій капралъ съ четырьми рядовыми. Штельцеръ поставилъ караулъ въ главномъ корпусѣ и около, а у запертыхъ воротъ должны были караулить университетскіе инвалиды... Штельцеръ и днемъ, и ночью, по его словамъ, сталъ осматривать посты. Но на другой же день всѣ эти мѣры оказались недѣйствительными, ибо солдаты были уже пьяны, а экзекуторъ Артемьевъ при самомъ Штельцерѣ сказалъ, что они не обязаны повиноваться его приказаніямъ. Повидимому, Артемьевъ недоволенъ былъ тою ролью, которую присвоилъ себѣ Штельцеръ.

Четвертаго сентября городъ уже горѣлъ со всѣхъ сторонъ, и сильная буря способствовала распространенію пожара. Штельцеръ потребовалъ, чтобы пожарные трубы были вывезены на дворъ, но этого не сдѣлали подъ предлогомъ, что недостаетъ людей и воды. Въ 9 часовъ утра полетѣла головня черезъ Никитскую и упала на старую, развалившуюся конюшню противъ квартиры Штельцера. Въ то же самое время загорѣлась и ея внутренность. Буря понесла огонь на дровяной дворъ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сгорѣли большой каменный домъ при выходѣ на Моховую, принадлежащія къ нему конюшни и кладовыя, анатомическій театръ и соединенные съ нимъ покои. На южной сторонѣ университета вездѣ загорался лежавшій по дворамъ навозъ. Штельцеръ отрядилъ наемныхъ людей вытаптывать навозъ и такимъ образомъ ему удалось отстоять на время находящіеся тамъ конюшни и дома. Ему усердно помогалъ смотритель дровяного двора Осипъ Янковскій (повидимому полякъ), но экзекуторъ Артемьевъ былъ совершенно пьянъ и безполезенъ. Въ полдень Штельцеръ отправился посмотрѣть, что дѣлается въ главномъ корпусѣ. Оказалось, что французскаго караула уже нѣтъ на мѣстѣ, боковая дверь въ музей проломлена, внутри бѣгаютъ два французскихъ солдата, но все еще въ цѣлости. Штельцеръ вывелъ солдатъ и вновь поставилъ караульныхъ, при чемъ его слегка ранили штыкомъ въ лѣвую руку. Когда онъ вышелъ на дворъ, показался огонь въ его квартирѣ: буря прибила огонь отъ дровяного двора къ угловой комнатѣ средняго этажа, и въ

ней лопнули окна. Штельцеръ съ своимъ служителемъ принялся тушить пожаръ, выкидывалъ на дворъ горящую мебель, мокрыми тряпками гасилъ пылающія оконныя рамы. Пламя истребило его и служительскія одежды, но домъ былъ спасенъ. Вечеромъ усилился грабежъ.

Смотритель музея Ришардъ уже при входѣ французовъ не находился въ университетѣ и совсѣмъ тамъ не показывался. Поэтому Штельцеръ и тѣхъ двухъ караульныхъ, которыхъ имѣлъ при себѣ для собственной охраны, поставилъ въ главный корпусъ, вслѣдствіе чего скоро подвергся нападенію: съ него сорвали сюртукъ и прорубили ему шляпу. Въ двѣнадцатомъ часу ночи ему сказали, что въ музеѣ видна свѣча, и кто-то ходитъ въ сопровожденіи французскаго солдата; болѣе опредѣленнаго, однако, ему не удалось ничего узнать. Между тѣмъ огонь вновь усилился въ Никитскомъ дворѣ. Загорѣлся домъ графа Орлова (нынѣ князей Мещерскихъ), а отъ него стоявшій напротивъ университетскій Мосоловскій; въ то же время запылали деревянныя конюшни и домъ, въ которомъ жилъ врачъ университетской больницы Цемшъ: они загорѣлись отъ сосѣдняго дома Заикина. Огонь снова палъ на домъ, гдѣ квартировалъ Штельцеръ, но благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ (нанесена была вода, сломанъ деревянный заборъ около университетскаго двора и крыша одного деревяннаго строенія) на этотъ разъ удалось его отстоять.

Штельцеръ хотѣлъ было отправиться на осмотръ главнаго зданія, какъ въ половинѣ второго ночи увидалъ охваченную пламенемъ деревянную обсерваторію на главномъ корпусѣ. По словамъ Штельцера, четырехъ человѣкъ было бы достаточно, что бы спасти зданіе, но онъ никого не могъ дозваться: всѣ попрятались, избѣгая встрѣчи съ грабителями. Пожаръ съ чердака проникъ внутрь главнаго корпуса, и онъ въ теченіе ночи весь выгорѣлъ. Штельцеръ не думаетъ, что бы пожаръ начался внутри: свѣча, которую видѣли, употреблена была только для кражи. Огонь разбушевался до такой степени, что нельзя было уже оставаться на университетскомъ дворѣ, не подвергая опасности свою жизнь. Штельцеръ пробрался кое-какъ сквозь пламя, сжегъ на себѣ второй сюртукъ и покинулъ университетъ до утра.

Вернувшись на другой день Штельцеръ увидалъ, что въ Мосоловскомъ домѣ пожаръ прекратился, а университетской больницы даже и не коснулся, уцѣлѣлъ и домъ, въ которомъ онъ квартировалъ, но въ немъ похозяйничали грабители, разломавшіе всѣ запертыя двери и ящики и укравшіе все цѣнное. Штельцеръ скоро получилъ приглашеніе отъ учрежденнаго французами муниципалитета вступить въ его составъ. Штельцеръ согласился, и ему было поручено соблюденіе общественной тишины и безопасности. Воспользовавшись этимъ, онъ ввелъ въ свою квартиру столько людей, сколько она вмѣщала, „пока съ большимъ трудомъ не была возстановлена внѣшняя безопасность отъ бѣшенаго войска, не знавшаго никакой подчиненности“.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ университетскихъ зданій уцѣлѣли только больница, гдѣ помѣщались клиническій, хирургическій и повивальный институты, и домъ, гдѣ квартировалъ Штельцеръ, т.-е. домъ Натальи Абрамовны Пушкиной, рожд.княжны Волконской[103]). Всѣ сокровища университета, кромѣ увезенныхъ, пропали; уцѣлѣли только нѣкоторыя маловажныя вещи напр. препараты и прочій аппаратъ повивальнаго искусства, также собраніе бандажей, да и тѣ были поломаны, потоптаны ногами, и Штельцеръ никакъ не могъ добиться отъ экзекутора, что бы онъ собралъ ихъ и принесъ къ нему на храненіе.—Затѣмъ уже по выходѣ французовъ изъ Москвы, 13 октября Штельцеръ узналъ отъ коллежскаго регистратора Подхватова, что спасено изъ казны около 2000 руб. мѣдныхъ денегъ въ двухъ сундукахъ, которые снесены въ больницу, но что одинъ изъ этихъ сундуковъ взломанъ, и всякій, кто хочетъ, беретъ оттуда деньги. Послѣ препирательствъ съ Артемьевымъ Штельцеръ добился того, что сундуки были опечатаны и для охраненія ихъ въ больницѣ поставленъ караулъ изъ 2 полицейскихъ драгунъ. Скоро Штельцеръ заболѣлъ горячкою, а когда выздоровѣлъ, оказалось, что караулъ уже снятъ, и Артемьевъ снова распоряжается деньгами, которыхъ уже немного осталось [104]).

Показанія Штельцера дышатъ правдою, и нѣтъ основанія имъ не вѣрить. Сообщеніе попечителя Кутузова въ письмѣ къ министру, что „разбойникъ Штельцеръ радовался, что все гибнетъ, и хотя самъ былъ членъ муниципалитета окаяннаго, дьявольскаго собора, но не помыслилъ взять мѣръ къ сохраненію университета“, внушено было, можетъ быть, Артемьевымъ, а вѣрнѣе всего желаніемъ свалить собственную вину на другого (министръ упрекалъ Кутузова въ нераспорядительности и непринятіи должныхъ мѣръ къ спасенію университета, указывалъ на Медико-Хирургическую Академію, которая осталась невредимою [105]).

Итакъ, Московскій университетъ сдѣлался жертвою пламени въ 1812 году потому, что сохранялъ слишкомъ много деревянныхъ строеній отъ прежнихъ барскихъ усадебъ и окруженъ былъ таковыми же стройками. Кромѣ того, много значило тутъ отсутствіе университетскихъ властей, которыя могли бы распоряжаться своевременнымъ тушеніемъ пожара, и воцарившаяся въ университетѣ съ отъѣздомъ начальства пьяная анархія. Что касается гибели оставленнаго имущества, то это было преимущественно дѣломъ бѣшенаго войска, очевидно, искавшаго въ университетѣ какихъ-то сокровищъ и разломавшаго замурованныя кладовыя.

Тѣмъ временемъ университетскіе транспорты съ казенными вещами, профессорами, студентами и гимназистами медленно подвига-

---

[103]) Дѣло Попечит. Канцеляріи 1813 г., № 13; К. Военскій, op.cit, стр. 80.
[104]) А. А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, отд. II, стр. 443—448.
[105]) Тамъ же, стр. 386.

лись къ Нижнему и достигли до него 17—22 сентября. Нѣкоторымъ изъ этихъ переселенцевъ пришлось въ Нижнемъ претерпѣть много горя. Профессоры Перелоговъ и Черепановъ по пути издержали всѣ свои деньги и въ Нижнемъ очутились безъ всякихъ средствъ. Не имѣя возможности никого нанять, два товарища по вечерамъ, въ глубокія сумерки, приносили по ведру воды съ Волги своеручно на палкѣ, продѣтой сквозь дужку. Крайняя бѣдность и неизвѣстность будущаго подѣйствовали удручающимъ образомъ на проф. Перелогова: онъ занемогъ, видя почти безъ куска хлѣба себя, жену и пятерыхъ дѣтей. Впрочемъ, дѣла ихъ скоро поправились: ихъ помѣстили въ зданіяхъ Нижегородской гимназіи и снабдили всѣмъ необходимымъ. Перелоговъ нашелъ затѣмъ хорошіе заработки. Многіе достаточные обыватели Нижняго, узнавъ, что въ ихъ городѣ находится безукоризненный знатокъ французскаго и англійскаго языковъ, стали нарасхватъ приглашать его для обученія дѣтей, и Перелоговъ въ концѣ концовъ сталъ имѣть такое изобиліе въ жизненныхъ средствахъ, какимъ и въ Москвѣ не пользовался. Но не посчастливилось его коллегамъ проф. Рейнгарду и Страхову. Рейнгардъ по пріѣздѣ въ Нижній заболѣлъ тифомъ и 7 ноября умеръ, а вскорѣ за нимъ послѣдовала и его жена, оставивъ на волю Божію и на попеченіе добрыхъ людей пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Страхову съ Брянцевымъ предложилъ безвозмездно особый домикъ учитель рисованія нижегородской гимназіи П. А. Веденецкій и оказывалъ имъ самое радушное гостепріимство. Но Страховъ уже пріѣхалъ въ Нижній больной и все время былъ въ жару. Совѣтъ и медикаменты, предписанные ему докторомъ Ромодановскимъ и проф. Мудровымъ, не помогли, и 12 февраля 1813 года онъ скончался, выслушавъ предъ смертію извѣстіе о переправѣ Наполеона черезъ Березину [106]).

Около двадцатаго октября пришло въ Нижній извѣстіе, что непріятель покинулъ Москву. Находившійся въ Нижнемъ адъюнктъ и директоръ губернской гимназіи Дружининъ съ разрѣшенія ректора отправился въ Москву для того, чтобы выяснить состояніе университета и подвѣдомственныхъ ему учрежденій и для принятія требуемыхъ обстоятельствами мѣръ. Изъ рапортовъ его, посланныхъ ректору и попечителю, выясняется довольно точно, въ какомъ состояніи находился Московскій университетъ по выходѣ изъ Москвы французовъ.

Дружининъ доносилъ, что главный корпусъ весь до основанія сгорѣлъ, и остались однѣ только стѣны. „Даже нижній этажъ или лучше полуэтажъ, который былъ со сводами, весь выгорѣлъ, почему всѣ вещи и дѣла, для безопасности въ него снесенныя, погорѣли безъ остатка, и какъ изъ библіотеки, такъ и изъ музея не спасено ни ма-

---

106) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, ч. II, стр. 220, 221, 329, 465, 466.

лѣйшей части“[107]). „Домъ, купленный отъ Мясоѣдова, флигель, въ которомъ помѣщалась анатомія, два небольшихъ дома, въ коихъ жили г.г. профессоры: Брянцевъ, Гавриловъ, Черепановъ, Котельницкій и покойный Панкевичъ, съ нѣкоторыми канцелярскими чиновниками, равно и прочія, не столь важныя строенія всѣ содѣлались жертвою пламени. Одинъ флигель, что стоитъ по Никитской улицѣ, въ которомъ помѣщалась больница, и домъ, бывшій прежде Долгорукаго [108])— остались въ цѣлости, но и въ нихъ все перебито и переломано“. Впрочемъ кладовая подъ домомъ Долгорукова, гдѣ жилъ ректоръ, осталась въ цѣлости, и въ самомъ домѣ жилъ остававшійся въ Москвѣ профессоръ Штельцеръ. „Зданія, университетскому благородному пансіону принадлежащія, равно и въ ботаническомъ саду сгорѣли также всѣ безъ остатка. Напротивъ, въ типографіи сгорѣлъ одинъ главный, но ветхій, по валу стоящій корпусъ; прочія зданія остались невредимы. Станы со всѣми ихъ принадлежностями также сохранились отъ пожара и хищенія, и если нѣкоторая часть была расхищена, то теперь оная найдена и возвращена. Сгорѣли одни пунсоны, матрицы и доски, кои для безопасности положены были въ университетскую кладовую. Если помощникъ директора оной (Сущовъ) съ одной стороны поступилъ неблагоразумно, то въ отношеніи къ типографіи можно сказать сдѣлано все, что только можно было къ ея спасенію, ибо по признанію всѣхъ типографскихъ служителей ему одному обязана она своею цѣлостью, а типографскіе служители нѣкоторымъ образомъ и самою жизнью своею“ [109]).

Потери университета не ограничились только тѣмъ, что погибло въ его зданіяхъ. Профессоръ Гавриловъ, спасавшій ввѣренныя ему казенныя вещи, потерялъ въ Москвѣ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ и свою цѣнную библіотеку. Сгорѣла и библіотека проф. Брянцева, которую онъ собиралъ въ теченіе 50 лѣтъ, и которая состояла изъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Проф. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, спасшій часть музея натуральной исторіи, потерялъ свои собственныя коллекціи и свои ученые труды. Ботаникъ Гофманъ лишился своей богатой библіотеки и приготовленнаго къ третьему изданію сво-

---

[107]) Осталась цѣла кладовая Харитона Андреевича Чеботарева, но за то она вся разграблена. „Одна изломанная мебель и безъ сомнѣнія большею частью пустые сундуки въ ней остались, и все сіе такъ перемѣшано, что и хозяева съ трудомъ могутъ узнать свои вещи“. „Оставшаяся въ университетѣ мѣдная монета частью сплавилась, частью разграблена“.

[108]) Въ донесеніи неточность: уцѣлѣвшій домъ принадлежалъ Натальѣ Абрамовнѣ Пушкиной, рожденной кн. Волконской. Дѣло Попечит. Канцеляріи 1813 г., № 76. Срав. Военскій, op. cit, стр. 80.

[109]) В. О. Эйнгорнъ. Московскій Университетъ, Губернская Гимназія и другія учебныя заведенія Москвы въ 1812 году, вып. II, стр. 43—46. Въ донесеніи относительно ботаническаго сада также есть неточность: изъ дѣлъ университетскаго архива видно, что тамъ уцѣлѣли два деревянныхъ строенія. Дѣло Попечит. Канцеляріи 1813 г., № 76. К. Военскій, op. cit, стр. 80.

его капитальнаго труда „Германская флора“. Филологъ Тимковскій также лишился своей прекрасной библіотеки. Наконецъ, погибла коллекція русскихъ древностей, собиравшаяся 30 лѣтъ профессоромъ Баузе и состоявшая изъ рукописей, старопечатныхъ книгъ и монетъ, по отзыву Калайдовича „единственная въ своемъ родѣ“ [110]).

Но какъ ни велики были потери Московскаго университета, къ концу царствованія Александра I онъ уже реставрировался полностью. Пожаръ истребилъ матеріальное имущество университета, но не подорвалъ его великаго значенія, которое онъ пріобрѣлъ въ глазахъ правительства и общества, не подорвалъ и тѣхъ духовныхъ силъ, которыя двигали его внутреннюю жизнь, и которыя сосредоточивались въ тогдашнемъ профессорскомъ персоналѣ. Дружными усиліями высшей власти, профессоровъ и сочувствовавшихъ ему частныхъ лицъ и учрежденій университетъ скоро возстановленъ былъ во всѣхъ частяхъ.

Нѣкоторое время послѣ пожара лекціи читались въ наемномъ домѣ купца Заикина близъ университета [111]). Кромѣ того, университетъ уже въ 1813 году располагалъ тремя зданіями: больничнымъ корпусомъ, въ которомъ помѣщались больница и квартиры нѣкоторыхъ профессоровъ и служащихъ университета; каменнымъ корпусомъ, купленнымъ у Пушкиной, рожд. княжны Волконской, въ которомъ помѣщены были квартиры нѣкоторыхъ профессоровъ и служащихъ, музей, университетское казначейство, кладовая и службы, и третьимъ—бывшимъ кн. Волконской, въ которомъ помѣстился анатомическій театръ, библіотека, музей и квартиры чиновниковъ и сторожей [112]). Послѣдній домъ привелъ въ порядокъ деканъ медицинскаго факультета Мудровъ [113]). Наконецъ, въ началѣ 1817 года было ассигновано 486699 рублей на отстройку главнаго корпуса и другихъ, остававшихся еще обгорѣлыми. Отстройка поручена была сначала архитектору Соболевскому, преподавателю Благороднаго пансіона, и онъ охотно было взялся за дѣло, но затѣмъ отказался, ссылаясь на то, что, будучи занятъ отстройкою Благороднаго пансіона и университетской типографіи, не можетъ управиться съ дѣломъ. Тогда „для смотрѣнія работъ въ университетскомъ домѣ“ приглашенъ былъ на два года извѣстный архитекторъ Воспитательнаго дома Жилярди. Ему назначено было вознагражденіе въ 2000 руб. за первый годъ и 1500—за второй [114]). Жилярди пересмотрѣлъ смѣту, составленную Соболевскимъ, и увеличилъ ее на 77498 руб.

---

[110]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, ч. I, стр. 81—83, 111—112, 171, 259; ч. II, стр. 495, 524.

[111]) Дѣло Правленія 1813, № 123, 124. Въ 1814 году этотъ домъ купленъ былъ гвардіи корнетомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Яковлевымъ.

[112]) Дѣла Правленія 1817 г., № 13; Дѣла Попечит. канц. 1813 г., № 92.

[113]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, ч. II, стр. 124; Дѣло Правленія 1813, № 393; Дѣла Попечит. канцеляріи 1813 г., № 65.

[114]) Дѣло Правленія 1815 г., № 280; Строительной комиссіи 1817 г., № 3.

40 коп. Онъ не ограничился простою реставраціею казаковскаго корпуса, а внесъ въ него нѣкоторыя усовершенствованія, въ частности: украсилъ стѣны лѣпными украшеніями, устроилъ семь новыхъ большихъ оконъ съ арками, четыре большихъ окна съ колонками, вытесалъ выступы по переднему фасаду, разобралъ старый и устроилъ новый порталъ съ колоннами, и сдѣлалъ каменныя лѣстницы въ боковыхъ выступахъ, устланныя чугунными плитами, лѣстницу средняго входа довелъ только до третьяго этажа, подвелъ часть новыхъ сводовъ (во второмъ этажѣ) подъ библіотеку и музей, украсилъ главный залъ живописью и колоннами. Въ полтора года работы были окончены, при чемъ общая сумма издержекъ выразилась въ 538397 руб. 97¾ коп. [115]). 10 октября 1818 года университетъ изъ наемнаго дома перебрался въ собственныя помѣщенія [116]). При возобновленіи главнаго корпуса найдено было уже неудобнымъ помѣщать въ немъ церковь и квартиры священнослужителей. Поэтому университетъ выпросилъ себѣ у духовнаго начальства церковь св. Георгія, что на Красной горкѣ, при чемъ верхній ея этажъ былъ отдѣланъ и освященъ во имя св. Татьяны [117]).

Такъ какъ отъ перестройки главнаго корпуса осталось въ экономіи 83525 рублей, то Высочайше разрѣшено было, дополнивъ эту сумму 21314 руб. изъ экономіи университета, выстроить зданіе для университетской аптеки и при ней химической лабораторіи. Это то самое зданіе, въ которомъ на нашей памяти помѣщалась квартира ректора, оно выстроено было въ 1819 году. Вслѣдствіе послѣдовавшаго 19 апрѣля 1819 года учрежденія при Московскомъ университетѣ медицинскаго института на сто казенныхъ воспитанниковъ, ассигновано было 401288 рублей на постройку зданій для этого института, а также и для учебной больницы съ отдѣленіями клиническимъ, хирургическимъ и повивальнымъ—всего на 50 кроватей и съ больницею для казеннокоштныхъ студентовъ. Для медицинскаго института былъ отстроенъ Мосоловскій домъ, а для учебной больницы перестроенъ былъ прежній каменный корпусъ. Оба зданія были освящены 25 сентября 1820 года [118]). Что касается обгорѣвшаго дома кн. Барятинскаго, то онъ былъ сломанъ, кромѣ подвальнаго этажа, оставленнаго для нуждъ университета [119]). Отстроилась къ тому времени и типографія. Прежде всего здѣсь выстроенъ былъ (въ 1817 г.) каменный двухъ-этажный домъ съ антресолями, гдѣ помѣстились книжная и роздаточная лавки, бумажные и книжные склады и квартиры служащихъ (это теперешній главный домъ на Страстномъ бульварѣ, гдѣ была редакція „Московскихъ Вѣдомостей“), отстроены были каменные флигели, стоявшіе по

---

115) Дѣло Строительной комиссіи 1816 г., № 6; 1819 г., № 72.

116) Дѣло Правленія 1818 г., № 459.

117) Шевыревъ, op. cit., стр. 430; Русскій Архивъ 1881, кн. 1, стр. 419.

118) Шевыревъ, стр. 429, 430; Русскій Архивъ, 1881 г., кн. 1, стр. 420; Указатель Императорскаго Московскаго Университета, стр. XI. Москва. 1826.

119) Дѣло канцеляріи Попечителя 1818 г., № 3.

валу и на дворѣ и, наконецъ, въ 1821 году на землѣ, купленной у Талызиной, построенъ былъ корпусъ по Дмитровкѣ, гдѣ помѣстилась собственная типографія [120]). На постройку его разрѣшено было употребить 228419 рублей изъ экономической типографской суммы [121]). Что касается Благороднаго пансіона, то послѣ пожара онъ помѣщался въ домѣ Новосильцевой на Дмитровкѣ, но 1 апрѣля 1815 года переѣхалъ уже въ собственное зданіе на Тверскую (это зданіе съ круглыми украшенными колоннами и съ ротондами по угламъ уцѣлѣло и до настоящаго времени). Инспекторъ его А. А. Прокоповичъ-Антонскій занялъ 75000 рублей изъ суммъ Демидовскаго Ярославскаго высшихъ наукъ училища и на эти средства возобновилъ обгорѣлыя зданія и завелъ все нужное [122]). Въ 1818 году пансіонъ совершенно отдѣлился отъ университета и сталъ выпускать своихъ воспитанниковъ съ правами на чины 10, 12 и 14 классовъ [123]).

Возобновленныя зданія не остались пустыми и скоро наполнились всяческими учебными пособіями. 12 іюля 1813 года по предложенію министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго напечатано было отъ имени университета одушевленное, краснорѣчивое воззваніе къ благотворителямъ просвѣщенія, особенно же къ его питомцамъ о пожертвованіи книгъ и другихъ учебныхъ пособій. На этотъ зовъ откликнулись какъ учрежденія—академія наукъ, медико-хирургическая академія, главное правленіе училищъ, Императорская публичная библіотека, университеты и училища и проч., такъ и разныя частныя лица, и уже въ теченіе одного года набрано было до 5000 книгъ. Приношенія книгами, и при томъ щедрыя, продолжались и въ послѣдующіе годы [124]). Самъ университетъ пополнялъ свою библіотеку ежегодно выпискою книгъ на 1000 рублей; въ 1818 году купилъ огромную библіотеку барона Молля, въ 1823 году купилъ книгъ и журналовъ на 5000 рублей. Къ концу царствованія Александра I число книгъ въ университетской библіотекѣ доходило уже до 30 тысячъ томовъ. Библіотекаремъ, проф. Рейсомъ, составлены были этимъ книгамъ систематическій и алфавитный реестры. Рядомъ съ фундаментальной библіотекой образовались изъ частныхъ пожертвованій двѣ студенческія библіотеки: медицинская, заключавшая въ себѣ до 1000 сочиненій и библіотека казеннокоштныхъ студентовъ, заключавшая болѣе 250 сочиненій [125]).

---

120) Русскій Архивъ, 1881, кн. 1, стр. 420.

121) Шевыревъ, op. cit., стр. 429.

122) Н. В. Сушковъ, Московскій Университетскій Благородный пансіонъ, стр. 38. Москва, 1858.

123) Шевыревъ, op. cit., стр. 426.

124) Дѣла Попечит. канцеляріи 1813 г., № 48, 93; 1814 г., № 31, 61.

125) Шевыревъ, op. cit., стр. 422, 431, 432; Указатель Императорскаго Московскаго Университета, или краткое описаніе кабинетовъ и другихъ заведеній, находящихся при университетѣ, съ показаніемъ всего достопримѣчательнаго въ оныхъ, стр. 99—110; 118.

Выросъ снова и музей натуральной исторіи. Къ вещамъ, спасеннымъ изъ прежняго музея, присоединились вещи, чучела и препараты животныхъ, минералы, раковины, засушенныя растенія и другія произведенія природы, пожертвованныя Академіею наукъ (остовъ слона), членами Общества Испытателей Природы, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Никол. Никол. Демидовымъ и другими, а также коллекціи, купленныя у барона Молля (минералогическая коллекція и гербарій), у Фрейслебена и лейбъ-медика Либошица (огромный минералогическій кабинетъ), у наслѣдниковъ проф. Гофмана (огромный гербарій) и др. Весь музей занялъ четыре зала: въ двухъ размѣщены были животныя, въ двухъ ископаемыя; въ особой залѣ помѣстился гербарій. Проф. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ и этому возрожденному музею составилъ подробное описаніе [126]).

Рядомъ съ музеемъ естественной исторіи устроился въ двухъ огромныхъ залахъ анатомическій кабинетъ, заключавшій въ себѣ 5000 рисунковъ и препаратовъ. Этотъ кабинетъ составлялся болѣе 50 лѣтъ лейбъ-медикомъ Лодеромъ, у котораго онъ купленъ былъ за 125 тысячъ рублей. Здѣсь особенно цѣнны были различные патологическіе препараты. Этому кабинету также составлено было подробное описаніе самимъ Лодеромъ и напечатано на латинскомъ языкѣ въ 1823 г.

Минцъ-кабинетъ, въ значительной части спасенный въ 1812 г., увеличенъ былъ пожертвованіями Государя Императора и частныхъ лицъ, такъ что къ 1826 году заключалъ въ себѣ 3731 монетъ и медалей [127]). Оборудованъ былъ въ достаточной степени и кабинетъ физическій и астрономическій. Къ спасеннымъ въ 1812 г. приборамъ прикуплены были еще новые, такъ что къ 1826 году кабинетъ имѣлъ уже 272 прибора [128]). Организовались и другія учебно-вспомогательныя учрежденія, какъ-то: кабинетъ химическій, состоявшій изъ образцовъ простыхъ и сложныхъ химическихъ тѣлъ, изъ химическихъ приборовъ и искусственныхъ кристалловъ, кабинетъ технологическій, состоявшій изъ веществъ, обработываемыхъ на заводахъ и фабрикахъ, кабинетъ врачебнаго веществословія, состоявшій изъ простыхъ веществъ, употребляющихся въ медицинѣ, ботаническій садъ, въ которомъ воспитывалось болѣе 2500 растеній и университетская учебная больница съ клиническимъ институтомъ (на 32 кроватей), хирургическимъ (на 12 кроватей) и акушерскимъ (на 6), съ собраніемъ хирургическихъ и акушерскихъ инструментовъ [129]).

Въ возставшемъ изъ пепла и развалинъ и организовавшемся заново университетѣ усиленно стала развиваться учебная и ученая жизнь. Количество студентовъ съ года на годъ увеличивалось и къ

---

126) Шевыревъ, op. cit. стр. 429, 432—436; Указатель, стр. 14, 82.
127) Шевыревъ, op. cit. стр. 439; Указатель, стр. 119.
128) Шевыревъ, op. cit. стр. 429, 436; Указатель, стр. 83.
129) Указатель, стр. 86, 121, 124, 128.

концу царствованія Александра I дошло уже до 800 человѣкъ.—Профессоры издали цѣлый рядъ капитальныхъ ученыхъ трудовъ. Такъ Рихтеръ издалъ „Исторію медицины въ Россіи“ въ 3-хъ томахъ, Мухинъ—Анатомію на русскомъ языкѣ, Двигубскій—Физику, Гофманъ—Фармакологію, Гильтебрандтъ—Хирургію и т. д., и т. д. Оживилась чрезвычайно и дѣятельность ученыхъ обществъ, состоявшихъ при университетѣ. Императорское Общество Испытателей Природы совершило много научныхъ открытій въ своей области, умножило собраніе университетскаго музея, обогатило свою библіотеку многими приношеніями членовъ, напечатало шесть томовъ своихъ записокъ (Memoires de la societé Imperiale des Naturalistes de Moscou) на французскомъ и латинскомъ языкахъ. Общество Физико-Медицинское напечатало три части своихъ трудовъ на латинскомъ и другихъ языкахъ (Commentationes) и два тома на русскомъ. Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ издало первую часть „Русскихъ достопамятностей“, три части „Записокъ и Трудовъ“, Селліевъ каталогъ писателей, объясняющихъ гражданскую и церковную исторію Россіи, 13 листовъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, предварительныя критическія изслѣдованія Эверса для Россійской исторіи въ переводѣ Погодина, обогатило свою библіотеку рукописями и старопечатными книгами, а кабинетъ—монетами, медалями и древностями. Общество собиралось въ залѣ университетскаго совѣта подъ образомъ преподобнаго Нестора, писанномъ на большой мѣдной доскѣ въ золотой рамѣ — даръ предсѣдателя Общества А А. Писарева. Общество Любителей Россійской Словесности издало въ это время 20 частей своихъ трудовъ, 6 частей сочиненій въ стихахъ и прозѣ, рѣчи профессоровъ Московскаго университета съ ихъ біографіями въ 4 частяхъ и другія книги. Его засѣданія, происходившія въ залѣ Благороднаго пансіона, привлекали избранное московское общество [130]).

Итакъ, катастрофа 1812 года не уничтожила въ Московскомъ университетѣ того, что пустило здѣсь корни въ предшествующее время, въ особенности въ первое пятилѣтіе царствованія Александра Перваго. Но нельзя сказать, чтобы она совершенно прошла безслѣдно для нашего университета. Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, она ускорила окончательное превращеніе университета исключительно въ высшую школу. Начало этому превращенію, какъ уже сказано было выше, положилъ уставъ 1804 года, выдвинувшій на первый планъ высшее преподаваніе въ университетѣ. Но и этотъ уставъ сдѣлалъ уступку прошлому, допустивъ существованіе при университетѣ академической гимназіи и благороднаго пансіона. Мы видѣли, что благородный пансіонъ, слабо связанный съ университетомъ, въ 1818 году совершенно разорвалъ эту связь. Что касается

---

130) Шевыревъ, op. cit., стр. 456—459, Указатель Императорскаго Московскаго Университета 1826, стр. 111—118.

академической гимназіи, то она закрылась тотчасъ же послѣ погрома 1812 года. По уставу ее нужно было содержать на экономическія суммы, а этихъ суммъ не было и не могло быть послѣ постигшаго университетъ разоренія. Ходатайство временной комиссіи объ отпускѣ изъ казны на содержаніе гимназіи 18000 руб. не было уважено [131]). Поэтому она была закрыта: изъ остававшихся ея 34 учениковъ [132]) десять лицъ по надлежащемъ испытаніи были опредѣлены въ студенты университета на штатное жалованье; двое взрослыхъ, но не подававшихъ большой надежды на лучшіе успѣхи въ наукахъ, были назначены въ учителя; трое были опредѣлены въ Московское отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи на казенное содержаніе; двѣнадцать, не находившіеся на лицо, были выписаны изъ числа казенныхъ учениковъ; трое выбывшихъ изъ казеннаго кошта были исключены изъ списка университетскихъ учениковъ, четверо отправлены были въ губернскую гимназію для продолженія наукъ [133]). Такъ исчезъ съ университетскаго поля гимназистъ съ своимъ учителемъ и остался только студентъ съ своимъ профессоромъ.

---

131) Дѣло Правленія 1813 года, № 137.

132) Шестнадцать произведены были въ студенты на актѣ 2 іюля 1812 года. Дѣло Попечит. Канцеляріи 1813 года, № 65.

133) Дѣло Попечительской Канцеляріи 1813 г., № 65.

Пожаръ дома Пашкова (нынѣ новое зданіе Университета).

Объясненія къ рисункамъ и портретамъ.

I. Зданіе у Воскресенскихъ воротъ, въ коемъ первоначально помѣщался Университетъ.

1. Снимокъ, помѣщенный на стр. 4, сдѣланъ съ гравюры (Елизаветинскаго времени) М. Махаева. См. его „Виды Москвы, изданные Академіею Наукъ въ 1755—1761 гг. по снимкамъ ея ландкартнаго мастера М. Махаева". Старинный оттискъ сей гравюры находится въ Историческомъ музеѣ, среди эстамповъ, папка VI, № 45856. Снимокъ зданія съ Красной площади воспроизведенъ въ „Исторіи Москвы" сост. И. Е. Забѣлинымъ, ч. I, М. 1905 г., 2-ое изд., стр. 645.

2. На I-ой фототипической таблицѣ помѣщенъ снимокъ съ находящейся въ томъ же музеѣ копіи масляной картины, писанной въ 1781 г. Гильфердингомъ и принадлежавшей князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. (Виды Москвы ящ. 14, № 46, 17947/89. Воспроизведена только часть картины).

3. На II-ой фототипич. таблицѣ—снимокъ съ находящагося тамъ же (—ящ. 14, № 42949/455) рисунка, внизу коего надпись: Dessine d'apres nature par Charle Zeller fils. Jan. 27 1821.

II. Планъ Университетскаго владѣнія, составленный архитекторомъ Казаковымъ—снимокъ на стр. 5.

Гдѣ находится подлинный планъ архит. Казакова — неизвѣстно. Въ Историческомъ музеѣ (эстампы, папка I) имѣется литографія, исполненная (въ размѣрѣ 30×25 сантим.) І. Шелковниковымъ (извѣстнымъ прежнимъ Московскимъ литографомъ), внизу коей читается: „копія (*т.-е. плана Казакова*) снята съ подлинника архитекторомъ Московскаго Университета А. А. Никифоровымъ съ нанесеніемъ на ономъ настоящаго плана". На стр. 59 и помѣщенъ снимокъ съ этого плана. По бокамъ плана имѣются слѣдующія объясненія:

Планъ Университетскому, что на Моховой, дому съ прикосновенностями.

Примѣчаніе.

1. Красными линіями обозначены настоящія существующія границы Университета.
2. Заштрихованныя строенія въ настоящее время не существуютъ.
3. Строенія, обведенныя по контуру розовою и желтою красками, выстроены въ послѣдствіи и существуютъ въ настоящее время.

---

1. Дворы, принадлежащіе оному Университету.
2. Главный корпусъ съ флигелями.
3. Корпусъ бывшій князя Борятинскаго.
4. Бывшая кухня онаго жъ Борятинскаго.
5. Земля между оною кухнею и нынѣшнимъ Георгіевскаго священника домомъ. Оная отдается церковникамъ.
6. Нынѣшнія ворота въ домъ Университетской.
7. Мѣсто, на которое оныя перенесутся.
8. Церковь свят. великомуч. Георгія.
9. Земля церковная.
10. На оной строеніе.
11. Нынѣшній домъ Георгіевскаго священника и прочіе сосѣдніе дворы.
12. Церковная земля съ священно и-церковно-служительскимъ строеніемъ, вошедшая внутрь двора Университетскаго, которая берется подъ Университетъ.
13. Каменной корпусъ, бывшій пансіонный, и прочее строеніе, Университету принадлежащее.
14. Церковная земля бывшей церкви Леонтія Ростовскаго.
15. Мѣсто, по которое церковная земля берется подъ Университетъ и отгорожена будетъ въ линію къ углу бывшаго Борятинскаго корпуса заборомъ.

Архитекторъ Матвѣй Казаковъ.

III. Изъ копіи плана Москвы 1775 г., хранящагося въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, снята мѣстность, окружающая Университетъ и этотъ снимокъ для бо́льшей ясности увеличенъ въ 3 раза. Изъ объясненій, находящихся на планѣ, выбрано то, что относится къ мѣстности, помѣщенной на снимкѣ, стр. 6—7.

IV. Фасадъ и планы Университетскаго зданія, построеннаго архитекторомъ Казаковымъ.

Въ библіотекѣ Московской Оружейной Палаты (по описи № 93) хранится въ особыхъ переплетахъ большое собраніе чертежей, зданій

проэктированныхъ и исполненныхъ архитекторомъ Казаковымъ. Первая книга носитъ заглавіе: „Первое собраніе чертежей, по первымъ мыслямъ однихъ главныхъ формъ вновь прожектированныхъ архитекторомъ статскимъ совѣтникомъ Казаковымъ, по приказанію его сіятельства князь Сергія Сергіевича Гагарина и его сіятельства князь Стефана Борисовича Куракина, пристройкамъ къ старому Кремлевскому дворцу для пребыванія его императорскаго величества и всей высочайшей фамиліи, съ соблюденіемъ, сколько возможно, старыхъ важныхъ строеній и съ расположеніемъ просторныхъ площадей и проѣздовъ, которыя прошлаго 1797-го года имъ же княземъ Гагариномъ въ бытность его въ Санкт-Петербургѣ представлены его императорскому величеству и при высочайшемъ воззрѣніи удостоены милостиваго благоволенія. И изъ нихъ видъ съ полуденной стороны всего Кремля благоволилъ государь императоръ оставить у себя, а вмѣсто онаго приложенъ таковой же. Свѣрхъ того приложены проспективныя старымъ Кремлевскимъ строеніямъ виды, планы Слободскаго дворца и краткія смѣты“. Рисунки, касающіеся Университета, находятся въ 5-ой книгѣ, озаглавленной: „Пятое собраніе чертежей прожектированнымъ и построеннымъ вновь, также и исправленнымъ старымъ казеннымъ строеніямъ подъ смотрѣніемъ архитектора статскаго совѣтника Матвѣя Казакова, при разныхъ дирекціяхъ, о которыхъ въ своихъ мѣстахъ объяснено, 1800 г. Москва“.

Рисунокъ „фасада главнаго корпуса Московскаго Университетскаго дома“ (№ 10) имѣетъ въ оригиналѣ длины 1 арш. $9^1/_4$ вершковъ и ширины $6^3/_4$ вершковъ (Снимокъ его помѣщенъ на III-ьей фототипической таблицѣ). Къ нему имѣется слѣдующее „описаніе фасады главнаго корпуса Московскаго Университета, состоящаго на Моховой улицѣ.

1. Оной этажъ занетъ для житья нижнихъ при домѣ служителей и бѣдныхъ учащихся дѣтей.

2. Весь сей этажъ занетъ живущими казенными студентами, учениками и нѣсколькими професорами и учителями.

3. Во ономъ этажѣ имѣется церковь, большая аудиторія, библіотека, минеральной и физической кабинеты, конференція, класы и комнаты для житья директоровъ.

4. Верхній этажъ занетъ класами и для житья нѣсколькихъ професоровъ и учителей“.

„Планъ нижняго этажа Университетскаго дома“ (№ 6) въ оригиналѣ $12^1/_2 \times 8^5/_8$ вершковъ. Снимокъ этого плана см. на стр. 13; здѣсь помѣщены и имѣющіяся въ книгѣ объясненія къ плану. Въ концѣ ихъ въ оригиналѣ приписано: „Оной домъ для Московскаго Университета прожектировалъ и строеніемъ производилъ архитекторъ Матвѣй Казаковъ“. На подлинномъ планѣ не всѣ цыфры поставлены согласно объясненіямъ.

М. К. Любавскій.

*

„Планъ второго этажа Университетскаго дома“ (№ 7) въ оригиналѣ $12^1/_2 \times 8^5/_8$ вершковъ. Снимокъ его и объясненія къ нему см. на стр. 14.

„Планъ третьяго этажа Университетскаго дома“ (№ 8) въ оригиналѣ $12^1/_2 \times 8^5/_8$ вершковъ. Снимокъ его и объясненія къ нему см. на стр. 15.

„Планъ четвертаго этажа Университетскаго дома“ (№ 9) въ оригиналѣ тоже $12^1/_2 \times 8^5/_8$ вершковъ. Снимокъ его и объясненія къ нему см. на стр. 16.

Плана на все Университетское владѣніе (см. выше и стр. 5) здѣсь нѣтъ и, судя по оглавленію, его и не было здѣсь.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

V. Портреты:

а) *М. Н. Муравьева* (стр. 27) съ гравюры Н. Уткина (портретъ І. Л. Монье).
б) *П. Г. Демидова* (стр. 29) съ гравюры Грачова (портретъ Рокотова).
в) *И. А. Гейма* (стр. 33) съ гравюры Флорова (портретъ Жеренъ).
г) *Г. И. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ* (стр. 35) съ гравюры Флорова (портретъ Н. Баранова).
д) *А. А. Прокоповича-Антонскаго* (стр. 37) съ литографіи, приложенной къ книгѣ Сушкова „Воспоминаніе объ университетскомъ благородномъ пансіонѣ“.

VI. Пожаръ дома Пашкова (впослѣдствіи „новаго“ зданія университета) воспроизведенъ (стр. 64) съ листа, находящагося въ Историческомъ музеѣ среди эстамповъ (папка III-ья, 26487, 1/92), внизу коего печатная подпись: „Дѣйствіе Московской пожарной команды во время пожару“. На бумагѣ среди водяныхъ знаковъ „1826“ годъ. Оригиналъ въ размѣрѣ 50×40 сантиметровъ.